

ПРОТОПРЕСВИТЕР
АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

Великий пост

Московский рабочий
1993

ББК 86.3
Ш72

Шмеман Александр, протопресвитер
Ш72 Великий Пост / Сост. С. А. Шмемана. Пер. с
англ. матери Серафимы (Осоргиной). — М.: Моск.
рабочий, 1993. — 111 с.

Книга написана проповедником с мировым именем, доктором богословия, деканом Свято-Владимирской семинарии в США протопресвитером Александром Шмеманом (1921—1983). Она посвящена раскрытию философского смысла семи недель Великого Поста, предстоящих празднику христианской Пасхи.

Ш 0403000000—30
М172(03)—93 7—93

ББК 86.3

ISBN 5—239—01478

© С. А. Шмеман. Составление,
1993
Мать Серафима (Осоргина).
Перевод с английского, 1993

Стихира на вечерне Сырного вторника

*Радостно примем, вер-
нии, боговдохновенное за-
вещание поста, якоже пре-
жде Ниневитяне: и паки,
блудницы и мытари: яже
покаяния проповедь от
Иоанна есть; воздержани-
ем уготовимся к преселе-
нию в Сион, Владычняго
священнодействия, слезами
предочистимся в нем бо-
жественного умовения.
Помолимся видети образ-
ные зде Пасхи соверше-
ние, и истинныя явление.
Уготовимся на поклонение
Креста, и Воскресения
Христа Бога, вопиюще к
Нему:
Не посрами нас от чаяния
нашего, Человеколюбче.*

*Радостно восприимем,
верные, боговдохновенное
возвещение Поста.
Как прежде ниневитяне,
как блудницы и мытари,
слышавшие Иоанна, кото-
рый проповедовал покая-
ние, воздержанием приго-
товимся к Причащению,
данному Самим Владыкой
на Сионе. Очистимся сле-
зами перед этим божест-
венным омовением. Помо-
лимся, чтобы увидеть со-
вершение Пасхи, истинно-
го Откровения.
Приготовимся к поклоне-
нию Кресту и Воскресе-
нию Христа Бога нашего.
Не посрами (не лиши
нас) надежды нашей, Че-
ловеколюбче!*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это краткое толкование Великого Поста написано для тех все более многочисленных в наши дни читателей, которым хотелось бы лучше понять богослужебную традицию Церкви и принимать более сознательное участие в ее жизни.

Мы знаем, что покаяние — начало и условие подлинной христианской жизни. Первое слово Христа, когда Он начал проповедовать, было: «Покайтесь» (Матф. 4,17). Но что такое покаяние? В суете нашей ежедневной жизни мы не успеваем задуматься над этим и считаем, что в общем-то, к чему нас обязывает Пост — это воздерживаться от скоромной пищи и излишних развлечений, пойти исповедаться, получить от священника разрешение грехов, причаститься (один раз за весь год!) и затем считать, что «все в порядке» до будущего года.

Но ведь недаром Церковь специально определила эти семь недель, посвященных покаянию, недаром она зовет нас к длительному и усиленному духовному подвигу. Все это, конечно, должно относиться лично ко мне, к *моей* вере, *моей* принадлежности к Церкви. А если это так, то, конечно, мой долг постараться вникнуть и понять учение *моей* Церкви о Посто — постараться быть православным не только по имени, но и по самой жизни.

Что такое покаяние? Зачем оно нам нужно? Как проводить его в жизнь? Великий Пост дает нам ответ на все эти вопросы. Великий Пост — настоящая школа покаяния, в которой каждый человек должен ежегодно учиться углублять свою веру, пересматривать свою жизнь и, насколько это возможно, ее изменять. Великий Пост — это ежегодное паломничество к самым ис-

токам православной веры, где нам вновь открывается, как должен жить православный человек.

В образах, в самом строе богослужебной жизни Церковь открывает нам за этот единственный в году период весь смысл Поста.

Поэтому это краткое объяснение Поста основано если не исключительно, то главным образом на великопостных службах. Я надеюсь, что читатель сам почувствует, что нет ничего прекраснее и глубже, ничего более вдохновляющего и вдохновенного, как то, что Церковь, наша Мать, открывает и щедро дает нам, как только мы вступаем в это благословенное время «сорокадневной весны».

ВВЕДЕНИЕ

ВЕЛИКИЙ ПОСТ: ПУТЬ К ПАСХЕ

Когда человек готовится отправиться в путь, он должен знать цель своего путешествия. Так бывает и с Постом. Пост — это главным образом духовное путешествие, а цель его — Пасха, «Праздник из Праздников». Пост — приготовление к «совершению Пасхи, истинному откровению». Поэтому мы должны начать с того, чтобы постараться понять связь Поста с Пасхой, так как эта связь открывает нам нечто очень существенное, нечто решающее во всей нашей христианской вере и жизни.

Надо ли объяснять, что Пасха — это гораздо больше, чем один из праздников, больше, чем ежегодное ознаменование и почитание прошлого события?

Каждый, кто испытал хотя бы раз в жизни эту единственную в мире радость пасхальной ночи, «ярче солнечного дня», понимает это. Но о чем эта радость? Почему мы можем петь во время пасхальной заутрени: «Ныне вся исполнишася (исполнилось) света, небо, и земля, и преисподняя»? В каком смысле мы «смерти празднуем умерщвление, адово разрушение, иного жития вечного начало»?.. На все эти вопросы один ответ: *Новая Жизнь*, которая почти две тысячи лет тому назад воссияла из гроба, была дана всем верующим в Христа. Она была дана нам в день нашего крещения, когда, как говорит Апостол Павел, мы «погреблись с Христом крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых... так и нам ходить в обновленной жизни». Итак, на Пасху мы празднуем Воскресение Христово как что-то, что случилось и продолжает случаться *с нами*; потому что каждый из нас получил этот дар новой жизни, получил способность принять ее и жить ею. Дар этот радикально меняет наше отношение ко всему на свете, включая смерть. Он дает нам возможность радостно утверждать: «Смерти нет!» Но,

конечно, здесь мы еще встречаем лицом к лицу смерть, и однажды она придет за нами. Но мы верим, что Своей собственной смертью Христос изменил самую сущность смерти, сделал ее *переходом*, пасхальным праздником, Пасхой — переходом в Царствие Божие, превращая величайшую из трагедий в окончательную победу, «смертию смерть поправ» (растоптав, уничтожив Своей смертью смерть). Он сделал нас соучастниками Своего Воскресения. Вот почему в конце Пасхальной утрени мы говорим: «Христос воскрес, и жизнь царствует! Христос воскрес, и мертвых больше нет».

Такова вера Церкви, подтвержденная и доказанная бесчисленным сонмом святых. И все же разве мы не видим ежедневно на собственном опыте, что мы очень редко действительно имеем эту веру, что мы постоянно теряем и изменяем той *Новой Жизни*, которую мы получили, как дар, и что в сущности мы живем, как будто Христос не воскрес из мертвых, как будто это единственное по своему значению событие ничего не значило для нас? Все это из-за нашей слабости, благодаря невозможности для нас жить постоянно «верой, надеждой и любовью» на том уровне, на который Христос нас возвел, когда Он сказал: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его» (Матф. 6,33). Мы просто забываем все это, мы так заняты, так погружены в ежедневные заботы; и оттого, что мы забываем, мы ослабеваем. Из-за этой забывчивости, падений, греха наша жизнь становится опять «старой» — мелкой, темной, лишенной всякого смысла: бессмысленное путешествие к бессмысленному концу. Мы умудряемся даже забыть о смерти, и вот внезапно, среди нашей такой приятной жизни, она приходит: ужасная, неизбежная, бессмысленная. Иногда мы сознаем различные наши грехи и каемся в них, но мы не отдаемся той новой жизни, которую Христос открыл и даровал нам. Мы живем так, как будто Христос никогда не приходил. И это единственный настоящий грех, глубочайшая трагедия и грусть нашего номинального христианства.

Если мы это поймем и признаем, только тогда мы сможем понять, что такое Пасха и почему перед ней необходим Пост. Только тогда мы сможем понять, что все литургические традиции Церкви, весь цикл ее богослужений существует прежде всего для того, чтобы

помочь нам вновь увидеть и вкусить эту *Новую Жизнь*, от которой мы легко отходим, изменяя ей, и, покаившись, вернуться к ней.

Как можно любить и желать получить то, чего мы не знаем? Как можем мы ставить выше всего на свете что-то, чего мы не знаем, радость, которую мы не вкусили? Одним словом: как мы можем искать Царства, о котором мы не имеем понятия?

Церковное богослужение с самого начала и до сих пор есть единственный вход в это *Царство*, приобщение к *Новой Жизни*. Церковь открывает нам через свою богослужебную жизнь то, «чего не видел глаз, не слышало ухо и не приходило на сердце человеку... что приготовил Бог любящим Его» (I Кор. 2,9). *Пасха* есть самый центр этой богослужебной жизни, ее сердце, ее вершина, солнце, проникающее всюду своими лучами. Каждый год открывается дверь в сияние Царства Христова, нам дается предвкушение вечной радости, ожидающей нас, славы и победы, невидимо уже наполняющих всю вселенную: «Смерти нет». Все церковное богослужение построено вокруг Пасхи: поэтому литургический годовой круг, последовательность праздников и постов становится путешествием, паломничеством к Пасхе, к *концу*, который в то же время есть и *начало*; концу всего старого, началу новой жизни, постоянный переход из мира в Царство, явившееся во Христе.

Однако старую жизнь, жизнь греха, мелочность не так-то легко побороть и изменить. Евангелие ожидает и требует от человека усилия, к которому в настоящем своем состоянии он совершенно не способен. Нас вызывают на бой с невидимым, зовут к цели, к новому образу жизни, которая выше наших возможностей. Даже Апостолы, когда слушали учение своего Наставника, в недоумении спросили Его: «Как это возможно?» На самом деле, нелегко отказаться от мелкого идеала жизни, состоящего из ежедневных забот, изысканий средств для обеспеченного существования, удовольствий, всего, что так далеко от цели — совершенства: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный» (Матф. 5,48). Мир всеми своими земными способами передачи говорит нам: будьте счастливы, живите беззаботно, идите широким путем. Христос в Евангелии говорит нам: идите узким путем, путем

борьбы и страдания, потому что это единственный путь к настоящему счастью. Без помощи Церкви как можем мы решиться на этот страшный выбор, как можем мы *раскаяться* и *вернуться* к светлому и радостному обещанию, которое каждый год Церковь дает нам в день Пасхи? И вот для чего нужен Пост. Это — рука помощи, протянутая нам Церковью, школа покаения, которая одна может приготовить нас к тому, чтобы встретить Пасху не только как разрешение есть, пить и отдыхать, но как действительный конец старого (ветхого) в нас, как вступление в новую жизнь.

В первые века христианства главной задачей Поста было приготовление «оглашенных», т. е. новообращенных христиан, к крещению, которое совершалось во время пасхальной литургии. Но даже когда Церковь редко крестит взрослых и самое учреждение «оглашенных» больше не существует, главное значение Поста остается тем же. Потому что, хотя мы и крещены, мы постоянно теряем и изменяем именно тому, что мы получили при крещении. Вот почему Пасха есть ежегодное возвращение к нашему собственному крещению, тогда как Пост готовит нас к этому возвращению, к постепенному и постоянному усилию, ведущему нас к Пасхе, к конечному переходу в новую жизнь во Христе. Мы увидим, что богослужения Великого Поста до сих пор сохраняют свою отличительную черту поучения, как бы приготовления к крещению; но это не археологические остатки прошлого, но что-то действительно и существенное для нас. Потому что Пост и Пасха являются каждый год для нас новым открытием и приобретением того, что было дано нам при нашем собственном умирании и воскресении во святом крещении.

Путешествие, паломничество! Однако, как только мы вступаем в «светлую печаль» Поста, мы видим — далеко, далеко впереди — конец пути. Этот конец пути, его цель — радость Пасхи, вход в сияние славы Царства Небесного. И то, что мы видим издалика, это предвкушение Пасхи, освещает «постную печаль», превращает ее в «духовную весну». Ночь может быть долга и темна, но во все время пути нам кажется, что таинственный и сияющий свет зари освещает горизонт. «Не лиши нас упования нашего (надежды нашей), Человеколюбец!»

Глава 1

ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ПОСТУ

1. ЖЕЛАНИЕ

(Неделя о Закхее)

Задолго до начала самого Поста Церковь возвещает нам о нем и зовет нас вступить в подготовительный период. К каждому из важных событий церковного годового круга, к главным праздникам, Посту, Церковь готовит нас — предпразднествами или подготовительными неделями к Посту; это характерная черта православной литургической традиции. Почему? Потому что у Церкви глубокое психологическое прозрение человеческой природы. Зная недостаточную сосредоточенность и ужасное «омирщвление» нашей жизни, Церковь знает нашу неспособность быстро изменяться, перейти от одного духовного переживания к другому. Поэтому задолго до начала настоящего подвига Поста Церковь обращает наше внимание на его важность и призывает к размышлению о его значении. До начала действительного подвига Поста нам объясняется его значение. Это приготовление продолжается в течение пяти недель, предшествующих Посту, каждое из воскресных евангельских чтений посвящено одной из основных сторон покаяния.

Первое возвещение Поста мы слышим в Воскресном Евангелии о Закхее (Лука, 19, 1—10). Это история человека, который был слишком мал ростом, чтобы видеть Иисуса, но так сильно было его желание Его увидеть, что он влез для этого на дерево. Иисус ответил на его желание и вошел в дом его. Такова первая тема, говорящая о *желании*. Человек следует своему желанию, и эта основная психологическая правда о человеческой природе признается в Евангелии. «Где сокровище ваше, — говорит Христос, — там и сердце ваше будет» (Лука, 12,34). Сильное желание побеждает природную ограниченность человека. Когда он страстно чего-нибудь желает, он делает вещи, на которые

«нормально» он не способен. Будучи «мал ростом», Закхей сам себя возвышает. Поэтому единственный вопрос заключается в том, правильно ли желание человека, направлено ли оно к хорошей цели, или, по словам экзистенциалиста атеиста Жана Поля Сартра, человек — «бесполезная страсть».

Желание Закхея — *правильное*, хорошее; он хочет увидеть Христа, приблизиться к Нему. В Закхее мы видим первый символ раскаяния, так как раскаяние начинается с того, что человек вновь сознает глубину всякого желания: жажда, желание Бога, Его справедливости, желание настоящей жизни. Закхей — «мал», мелок, грешен и ограничен; и вот его желание превосходит и побеждает все это. Он *усилием* привлекает внимание Христа, приводит Его в свой дом.

Вот каков первый призыв Церкви: мы должны *желать* того настоящего, заложенного в самой глубине нашей души, признать жажду Абсолютного, которое в нас есть, — сознаем ли мы это или нет, и которое, если мы отворачиваемся и отвергаем наше желание от него, превращает нас действительно в «бесполезную страсть». И если мы достаточно глубоко, достаточно сильно желаем, Христос нам ответит.

2. СМирЕНИЕ

(Неделя о мытаре и фарисее)

Следующая неделя называется: «*Неделя о мытаре и фарисее*». Накануне этого дня, в субботу на вечерне, впервые открывается *Триодь Постная*, книга богослужений Великого Поста, и к обычным воскресным стихирам и канонам прибавляются стихиры и каноны Недели мытаря и фарисея. Они посвящены главным образом *смирению*, необходимому для истинного покаяния.

В Евангельской притче (Лука, 18, 10—14) показан человек всегда довольный собой, думающий, что он исполняет «весь закон», все требования религии. Он самоуверен и гордится собой. Однако на самом деле он извращает и не понимает смысл требований религии. Он видит в них только исполнение внешних обрядов и оценивает свое благочестие согласно количеству денег, которые он жертвует на храм. Мытарь, на-

против, унижает себя, и его смирение оправдывает его перед Богом. Если и есть нравственное качество, на которое теперь совершенно не обращают внимания и даже отрицают, то это именно смирение. Культура, цивилизация, окружающая нас постоянно, возбуждает в нас чувство гордости, самохвальства, самооправдания. Она построена на том понятии, что человек может достичь всего сам, и даже изображает Бога как Того, Кто вознаграждает, как бы платит человеку за его достижения и добрые дела. Смирение — как качество личное или общее, этническое или национальное — считается признаком слабости, недостойным настоящего человека. Но разве даже в церквях наших нет того же фарисейского духа? Разве нам не хочется, чтобы всякое наше пожертвование, всякое «доброе дело», все, что мы делаем «для Церкви», было принято, оценено, стало бы известным?

Но что такое смирение? Ответ на этот вопрос может показаться парадоксом, так как он основан на странном утверждении: *Господь Сам смиренен!* Однако каждому, кто знает Бога, кто созерцает Его в Его творении и в Его спасительных действиях, ясно, что смирение — действительно божественное свойство, сама суть и сияние той *Славы*, которой, как мы поем за Божественной литургией, исполнены небо и земля. В нашем человеческом понятии мы склонны противопоставлять славу и смирение, видеть в последнем какой-то изъян или слабость. По человеческому понятию, только наше невежество, отсутствие знаний могут вызывать в нас чувство смирения. Современному человеку, воспитанному на общественной гласности, самоуверенности, бесконечном самохвальстве, почти невозможно объяснить и втолковать, что то, что по-настоящему совершенно, подлинно, прекрасно и хорошо, в то же время естественно смиренно, так как именно благодаря своему совершенству оно не нуждается в гласности, внешней славе, какой-либо пропаганде. Бог смиренен *потому*, что Он совершенен; Его смирение и *есть* Его слава и источник всего действительно прекрасного, совершенного, источник добра и совершенства, и каждый, кто приближается к Богу и *узнает* Его, немедленно приобщается к божественному смирению и его красоте. Именно благодаря своему смирению Дева Мария, Матерь Божия, сделалась радостью всего ми-

ра, величайшим откровением красоты на земле; то же можно сказать о всех святых и о каждом человеке в редкие минуты его соприкосновения с Богом.

Как можно стать смиренным? Для христианина — простой ответ: созерцание Христа, воплощенного божественного смирения, Того, в Котором Бог показал раз и навсегда всю славу Свою в смирении и все смирение Свое в славе. Христос сказал в ночь Его наивысшего смирения: «Ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в нем» (Иоанн, 13,31). Смирению учишься, созерцая Христа, Который сказал: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смиренен сердцем» (Матф. 11,29). В конце концов смирению учишься, соразмеряя и сравнивая каждое свое слово, каждый поступок, всю свою жизнь с Христом. Потому что без Него настоящее смирение невозможно, тогда как у фарисея даже вера становится гордостью; в своем фарисейском тщеславии он гордится своими человеческими, внешними достижениями.

Приготовление к Посту начинается прошением, молитвой о получении смирения, так как смирение — это начало настоящего покаяния. Смирение — прежде и больше всего восстановление, *возвращение к настоящему порядку вещей*, правильных понятий. Его корни питаются смирением, и смирение, прекрасное божественное смирение — его плод и завершение. «Фарисейского избежим высокоглаголения (напыщенного многословия)», — говорится в *Кондаке* этого дня, — и «научимся высоте смиренных слов мытаря...». Мы у дверей покаяния, и в самый торжественный момент воскресной всенощной, после того как возвещено Воскресение и явление Христа, «Воскресение Христово видевше», первый раз поются тропари, которые будут сопровождать нас в течение всего Великого Поста:

Покаяния отверзи ми двери
Жизнодавче, утренюет
бо дух мой ко храму свя-
тому Твоему, храм носяй
телесный весь осквернен:
но, яко щедр, очисти бла-
гоутробною Твоею мило-
стию.

Отвори мне двери покая-
ния, Податель жизни, по-
тому что моя душа с ран-
него утра стремится к
святому храму Твоему,
так как храм моего тела
весь осквернен: но ты,
Щедрый, очисти меня
Твоею милостию.

На спасения стези настави мя, Богородице, студными бо окалях душу грехми, и в лености все житие мое иждих: но Твоими молитвами избави мя от всякия нечистоты.

Множества содеянных мною лютых помышляю окаянный, трепещу страшного дне судного: но надеяся на милость благоутробия Твоего, яко Давид вопию Ти: помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости.

Наставь меня, Богородица, на путь спасения, потому что постыдными делами я осквернил мою душу и в лености провел и истратил все дни моей жизни: но Твоими молитвами избавь меня от всякой нечистоты.

Думая о множестве дурных дел, которые совершил я, несчастный, я трепещу при мысли о дне страшного суда. Но, надеяся на Твою исполненную любви доброту, как Давид, я взываю к Тебе: помилуй меня, Боже, по великой Твоей милости.

3. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОТЧИЙ ДОМ

(Неделя о блудном сыне)

В третье воскресение, приготовляющее нас к Великому Посту, мы слушаем чтение притчи о Блудном сыне (Лука 15, 11—32). В притче и в стихирах этого дня говорится о покаянии человека, возвращающегося из самовольного изгнания. Нам рассказывается о блудном (морально заблудившемся) человеке, который ушел в «далекую страну» и там истратил все, что он имел. Далекая страна! Это единственное определение состояния человека, которое мы должны принять и усвоить, когда мы приближаемся к Богу. Человек, который никогда этого не испытал, хотя бы только немного, который никогда не почувствовал, что он изгнан от Бога, от настоящей жизни, никогда не поймет, о чем говорит христианская вера. И тот, кто чувствует себя совершенно «дома» в этом мире, кто никогда не испытал мучительной тоски по другой Правде, никогда не поймет, что такое раскаяние.

Покаяние часто просто превращается в равнодушное, объективное перечисление грехов и прегрешений,

как признание себя виновным перед законным обвинительным актом. Исповедь и разрешение грехов рассматривается как что-то юридически законное. Но при этом забывается что-то существенное, без чего ни исповедь, ни разрешение грехов не имеют ни настоящего значения, ни силы. Это «что-то» и есть именно чувство *отдаления* от Бога, от радости общения с Ним, от настоящей жизни, созданной и данной нам Богом. Действительно, нетрудно признаться на исповеди, что не соблюдал постов, пропускал утром или вечером молитвы, сердился. Но совершенно другое — это вдруг осознать, что я запятнал и потерял свою духовную красоту, что я далек от своего настоящего «дома», своей настоящей жизни и что что-то драгоценное, чистое и прекрасное безнадежно сломано в самой моей жизненной сущности. И однако это сознание, только это и есть настоящее покаяние и в то же время горячее желание *вернуться* назад, обрести вновь потерянный «дом». Я получил от Бога богатые дары: прежде всего — жизнь и возможность наслаждаться ею, наполнить ее значением, любовью, знанием; а потом — в Крещении — Новую Жизнь Самого Христа, дар Святого Духа, мир и радость Царства Небесного. Я получил знание Бога и в Нем знание всего прочего, силу и возможность сделаться одним из сыновей Божиих. И все это я потерял и продолжаю все время терять не только в особых грехах и прегрешениях, но в наибольшем из всех грехов — в утрате моей любви к Богу, в предпочтении «страны далекой» прекрасному дому Отца.

Но здесь Церковь напоминает мне о том, что я покинул и потерял. И, слушая ее голос, я *вспоминаю*. «Я безумно удалился от Твоей Отческой славы, — поется в кондаке этого дня, — с грешниками растратил данное мне богатство. Но взываю к тебе голосом блудного сына: согрешил я перед Тобою, Отче щедрый, прими меня кающегося, прими меня, как одного из наемников Твоих».

И когда я так все *вспоминаю*, я нахожу в себе и желание и силу вернуться: «...я вернусь к щедрому Отцу, со слезами взывая: прими меня, как одного из наемников Твоих...».

Надо обратить внимание и упомянуть здесь одну из литургических особенностей этого *Воскресения*

Блудного сына. На утрени, после радостных и торжественных псалмов полиелея, мы поем полный тоски псалом 136:

На реках Вавилонских, тамо седоном и плаком, внегда помянути нам Сиона... Како воспоем песнь Господню на земле чуждей? Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну Тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего...

На реках вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе... Как нам петь песнь Господню на земле чужой? Если я забуду тебя, Иерусалим, забудь меня, десница моя (моя правая рука, со всей ее ловкостью и хитростью). Пусть прилипнет язык мой к гортани моей, если я не буду помнить тебя, если не поставлю Иерусалима во главе веселия моего...

Это псалом изгнания. Его пели евреи в Вавилонском плену, вспоминая свой святой город Иерусалим. Он стал навсегда песнью человека, который осознает себя изгнанным от Бога и, сознавая это, становится вновь человеком, тем, который никогда не может найти полного удовлетворения в этом падшем мире, потому что по своей природе и призванию он всегда ищет, как паломник, Совершенства.

Этот псалом поется еще два раза, в последние два воскресения перед Великим Постом. Он открывает нам значение Поста как паломничества, покаяния — *возвращения* в дом Отца.

4. СТРАШНЫЙ СУД

(Неделя мясопустная)

Следующее воскресение называется мясопустным, так как в течение недели, следующей за ним, Церковью предписывается частичный Пост, воздержание от мяса. Это предписание надо рассматривать, принимая во внимание все, что было сказано выше о значении приготовления. Церковь начинает теперь завершать

подготовку к тому подвигу, которого она ожидает от нас через семь дней. Она постепенно вводит нас в начало этого подвига, зная нашу неустойчивость, предвидя нашу духовную слабость.

Накануне этого дня, в Субботу мясопустную, Церковь совершает всеобщее поминовение усопших (умерших, навек заснувших) в надежде воскресения и жизни вечной. Это действительно особенно важный день церковной молитвы за ушедших членов Церкви. Для того чтобы понять значение и связь между Постом и молитвой об умерших, надо прежде всего вспомнить, что христианство есть религия *любви*. Христос передал своим апостолам учение не о личном, индивидуальном спасении, но дал им новую заповедь — «любить друг друга». И прибавил: «По тому узнают все, что вы мои ученики, если будете иметь любовь между собою». Таким образом, любовь есть основание, сама жизнь Церкви, которая, по словам св. Игнатия Антиохийского, есть «союз веры и любви». Тогда как грех есть всегда отсутствие любви, разделение, разобщение, война всех против всех. Новая Жизнь, данная Христом и переданная нам Церковью, прежде всего есть жизнь примирения, «собрание воедино рассеянных», восстановление любви, разрушенной грехом. Но разве можем мы хотя бы положить начало возвращению к Богу, примирению с Ним, если сами не вернемся к единственной новой заповеди любви? В молитве за умерших Церковь главным образом высказывает свою *любовь*. Мы просим Бога помнить тех, кого мы поминаем (вспоминаем), а мы помним их, потому что мы их любим. Молясь за них, мы встречаемся с ними во Христе, Который — сама Любовь и Который победил смерть, эту наивысшую степень разобщения и разлуки. Во Христе нет разницы между живыми и умершими, потому что в Нем все живы. Он Сам — Жизнь, и эта «Жизнь — свет человеков» (Иоанн, 1,4). Любя Христа, мы любим всех, кто в нем; любя тех, кто в Нем, мы любим Христа; это — закон Церкви и ясное объяснение ее молитв за умерших. Благодаря нашей любви к Христу и они живы «во Христе», и как ошибаются, как безнадежно ошибаются те западные христиане, которые либо сводят молитвы за умерших к учению о законных «заслугах» или «наградах», либо просто отвергают их, считая их бесполезными. Заупо-

койная служба в Мясопустную субботу (Парастас) служит образцом для всех других служб поминовения умерших и совершается еще во *вторую, третью и четвертую* субботу Великого Поста.

Тема *Мясопустного воскресения* — опять-таки любовь. Евангельское чтение этого дня посвящено притче Спасителя о Страшном Суде (Матф. 23, 31—46). По какому закону будет Христос нас судить, когда настанет этот день? Притча отвечает: по закону *Любви*, не только по гуманитарной заботе об отвлеченной справедливости к анонимным «бедным», но по конкретной, личной любви к человеку, любому человеку, который по воле Божией встречается на нашем жизненном пути. Это различие очень важно, потому что теперь христиане все больше и больше склонны отождествлять христианскую любовь с политической, экономической и социальной заботой о людях; другими словами, они переходят от заботы об одном *человеке* и его личной судьбе к заботе об анонимных существах, принадлежащих, например, к такому-то классу, национальности и т. д. Мы не говорим, что такого рода забота не нужна. Ясно, что христиане, несущие на себе ответственность гражданскую или профессиональную, должны заботиться, по мере своих возможностей и понимания, о социальной, общественной жизни, справедливой, равной и вообще более гуманной. Бесспорно, все эти понятия происходят от христианских корней и, вероятно, внушены христианством. Но христианская любовь как таковая — это все же другое, и эту разницу надо понять и отстаивать ее, если Церковь должна продолжать свою особую, единственную миссию и не превращаться просто в социальное агентство, какой она никогда не станет.

Христианская любовь — это «невозможная возможность» увидеть Христа в другом человеке, кто бы он ни был; человеку, которого Бог по своему вечному и тайному промыслу решил ввести в мою жизнь, хотя бы на несколько мгновений, не только как повод для «доброго дела» или филантропического упражнения, но как начало вечного общения с Самим Богом. На самом деле любовь и есть та таинственная сила, которая через все внешнее, случайное в другом человеке — его наружность, социальное положение, этническое происхождение, интеллектуальные способности —

достигает *души*, единственного личного корня человеческого существа, частицы Бога в нем. Бог любит каждого человека, потому что Он Один знает бесценное и абсолютное сокровище, душу, человеческую личность, которую Он даровал каждому человеку. Таким образом, христианская любовь становится участием в этом божественном знании и даром божественной любви. Любовь не может быть безличной, потому что любовь есть именно чудесное откровение личности в одном человеке, личного и единственного среди общего и обычного. Это откровение того, что достойно любви в нем, того, что дано ему Богом.

В этом отношении христианская любовь иногда — противоположность социальной деятельности, с которой в настоящее время так часто сами христиане ее отождествляют. Для социального деятеля предмет его любви не личность, но *человек*, отвлеченная единица, взятая из не менее отвлеченного человечества. Тогда как христианин любит человека, потому что он — *личность*. Там личность принимается как человек, здесь — человек рассматривается только как личность. Для социального деятеля личность не представляет никакого интереса, он часто приносит ее в жертву «общему интересу». Может показаться, и не без основания, что христианство довольно скептически относится к отвлеченному «человечеству»; но оно изменяет самому себе и совершает смертельный грех всякий раз, когда пренебрегает заботой об отдельной личности и любовью к ней. Подход социального активиста всегда футуристичен; он действует всегда во имя справедливости, порядка, достижения будущего счастья. Христианство мало заботится о загадочном будущем, но всю силу свою направляет на настоящий, решающий момент, когда надо проявить любовь. Оба эти подхода не исключают друг друга, но не должно их смешивать. Без сомнения, христиане несут ответственность по отношению к земной жизни и должны ее на себя взять и исполнить. Деятельность социального активиста принадлежит всецело земной жизни. Но цель христианской любви за пределами земной жизни. Она сама по себе — луч, исходящий из Царствия Божьего; она проходит и переходит через все ограничения и условности земного мира, потому что ее движущая сила, как и цель, и завершение — в Боге. И мы знаем,

что единственная постоянная и преображающая победа в этом мире, который «во зле лежит», это победа любви. Настоящая и действительная миссия Церкви — напоминать человеку об этой *личной* любви и об его призвании наполнять грешный мир любовью.

Притча о Страшном Суде говорит о христианской любви. Не каждый из нас призван работать для человечества, но каждый получил дар и благодать любви Христовой. Мы знаем, что все люди нуждаются в этой *личной любви*, признании их личной, особой души, в которой все творение Божие отражается особым образом. Мы также знаем, что в мире есть больные, голодные, потому что им было отказано в этой личной любви. И в конце концов мы знаем, что как бы узко и ограниченно в своих возможностях ни было наше собственное существование, каждый из нас несет на себе ответственность за какую-то крошечную частицу Царствия Небесного, именно благодаря тому, что мы обладаем этим даром любви Христовой. Таким образом, мы будем судимы за то, приняли ли мы на себя эту ответственность, проявили ли эту любовь или отказали в ней. Потому что, «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне»... (Матф. 25, 40).

5. ПРОЩЕНИЕ

(Неделя сыропустная)

Теперь только несколько дней осталось до начала Поста. Уже в течение Мясопустной недели, завершающейся *Прощеным воскресением*, два дня, среда и пятница, стоят как бы отдельно, они уже совершенно «великопостные»: в эти дни не полагается совершать Божественную литургию и весь порядок богослужений имеет особенности, относящиеся к Посту. В среду на вечерне поется прекрасная стихира, приветствие Посту:

Возсия весна постная,
цвет покаяния, очистим
убо себя, братия, от вся-
кия скверны, Светодавцу
поюще рцем: Слава Тебе,
Едине Человеколюбче.

Наступила весна Поста!
Свет покаяния; очистим-
ся, братия, от всякого
зла, воспевая Светодавцу
(Подателю Света): «Сла-
ва Тебе, Едине Человеко-
любче!»

Суббота Мясопустной недели посвящена памяти всех «мужей и жен подвигом поста просветившихся (спасшихся)»: святые, примеру которых мы должны следовать, учат нас трудному пути, трудному искусству Поста и покаяния. Мы не одни, начиная подвиг Поста: «Восхваляем собор святых Отцов! Антония Великого, Евфимия Великого и всех их собратий, проходящих по жизненному пути своему, как будто сквозь райскую сладость...»

У нас есть помощники и примеры: почитаем ваш пример, святые Отцы! Вы научили нас истинному пути; благословенны вы, потому что вы поработали для Христа...

Наконец наступает последний день, обычно называемый *Прощеным воскресением*; но мы не должны забывать его второго литургического названия: «*Изгнание Адама из рая*». Это название действительно подводит итог всему подготовке к Посту. Теперь мы знаем, что человек был создан для жизни в раю, для того, чтобы знать Бога и общаться с Ним. Грех лишил человека этой блаженной жизни, и существование его на земле стало изгнанием. Христос, Спаситель мира, отворяет двери рая всякому, кто идет за Ним, и Церковь, показывая нам красоту Его Царства, превращает нашу жизнь в паломничество к небесному отечеству. Итак, в начале Поста мы уподобляемся Адаму.

Изгнан бысть Адам из
рая снедию, темже и сядя
прямо сего рыдаше, сте-
ня... Увы мне, что постра-
дах окаянный аз: едину
заповедь преступих Вла-
дычню, и благих всяче-
ских лишихся! Раю свя-
тейший, мене ради насаж-
денный быв, и Евы ради
затворенный, моли тебе
Сотворшаго, и мене Соз-
давшего, яко да твоих
цветов исполнюся. Тем-
же и к нему Спас: моему
созданию не хочу погиб-

Изгнан был Адам из рая
из-за пищи (из-за вкуше-
ния запрещенного плода),
и, сядя прямо перед раем,
рыдал и стонал: «Увы
мне, как пострадал я,
окаянный: я не соблюл
одной заповеди Владыки
и лишился всех благ! Рай
святейший, ради меня на-
саженный и ради Евы
затворенный, моли тебя и
меня Создавшего, чтобы
я вновь наполнился твои-
ми цветами». И отвечал
ему (Адаму) Спаситель:

нути, но хочу сему спастись, и в познание истины прийти, яко грядущаго ко Мне не изгоняю вон.

«Я не хочу, чтобы погибло мое создание, но я хочу, чтобы оно спаслось и пришло к познанию истины, потому что приходящего ко Мне я не изгоню».

Пост освобождает нас от порабощения греху, от плена этого мира. Но в евангельском чтении последнего воскресения говорится об условиях этого *освобождения* (Матф. 6, 14—21). Первое условие — Пост: отказаться от того, чтобы считать желания и требования нашей падшей природы нормальными; усилие освободить дух от диктаторской воли плоти, материи. Но для того, чтобы Пост наш был настоящим, подлинным, надо, чтобы он не был лицемерным, показным. Мы должны «явиться постящимися не пред людьми, но пред Отцем (Нашим), Который втайне» (Матф. 6, 18). Второе условие поста — *прощение*; «если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный» (Матф. 6, 15). Торжество греха, главный признак его владычества в мире — это ссоры, несогласия, разделения, ненависть. Поэтому первый пролом через крепость греха есть прощение: возвращение к единению, согласию, любви. Лучезарное всепрощение Самого Бога воссияет между мной и моим врагом, если я ему прошу. Простить — это значит отвергнуть все сче́ты и расче́ты человеческих отношений, представив их Христу. Прощение — настоящее вторжение Царствия Небесного в наш грешный и падший мир.

Пост по-настоящему начинается с вечерни этого воскресения. И эту единственную по своему глубокому значению и такую прекрасную вечерню не служат во многих наших церквях! Однако ничто лучше этой вечерни не показывает нам настроения Великого Поста в Православной Церкви, не вводит нас в него; нигде лучше не чувствуется ее глубокий призыв к человеку.

Служба начинается как торжественная вечерня; священнослужители в светлых облачениях. Стихира на «Господи, воззвах...» (следующая после «Господи, воззвах») возвещает наступающий Пост, а за ним — приближение Пасхи!

Постное время светло начнем, к подвигам духовным себе подложивше, очистим душу, очистим плоть, постимся якоже в снедах отвсякия страсти, добродетельми наслаждающиеся духа: в нихже совершающиеся любовью, да сподобимся вси видети всечестную страсть Христа Бога и святую Пасху, духовно радующиеся.

Постное время светло начнем! Готовясь к духовным подвигам, очистим нашу душу, очистим тело. Воздержимся как от пищи, так и от всякой страсти, и насладимся духовными добродетелями. Дабы, усовершенствовавшись в любви, мы были достойны увидеть страсти (страдания) Христа Бога и святую Пасху в духовной радости.

Потом, как обычно, следует Вход и пение «Свете Тихий...». Затем служащий священник идет на «горнее место» за престолом и возглашает вечерний Прокимен, который всегда возвещает конец одного и начало другого дня. За этой вечерней Великий Прокимен возвещает начало Поста:

Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя: вонми души моей, и избави ю.

Не отврати лица Твоего от слуги Твоего, потому что я скорблю! Скоро услышь меня, обрати внимание на душу мою и избавь ее.

Вслушайтесь в особенную мелодию этого стиха, этого крика души, внезапно наполняющего церковь: «...яко скорблю», — и вы поймете исходный пункт Поста: таинственную смесь отчаяния и надежды, тьмы и света. Все приготовление теперь закончено. Я стою перед Богом, перед славой и красотой Его Царства. И я сознаю свою принадлежность к этому Царству, сознаю, что у меня нет другого дома, другой радости, ни другой цели; и я сознаю также, что я изгнан из этого Царства во тьму и печаль греха, и... «я скорблю»! И в конце концов я сознаю, что только Бог может помочь моей скорби, только Он может избавить и спасти мою душу. Покаяние — прежде и больше всего — отчаянная мольба к этой божественной помощи.

Прокимен повторяется пять раз. И вот Пост уже

наступил! Светлые облачения заменяются темными, постными, тушат яркое освещение. Когда священник или дьякон начинает вечернюю ектению, хор отвечает ему постным напевом. Первый раз читается великопостная молитва Ефрема Сирина с земными поклонами. В конце службы молящиеся подходят сперва к священнику, прося прощения, потом просят прощения друг у друга. Но в то время, как происходит этот обряд прощения, и так как Пост начинается именно этим актом любви, единения и братства, хор поет пасхальные песнопения. Нам предстоит сорокадневный путь по пустыне Поста, но в конце этого пути уже сияет свет Пасхи, свет Царства Христова.

Глава 2

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

1. СВЕТЛАЯ ПЕЧАЛЬ

Для многих, если не для большинства православных христиан Пост состоит из ограниченного количества формальных, большей частью отрицательных правил: воздержание от скоромной пищи (мяса, молочного, яиц), танцев, может быть, и кинематографа. Мы до такой степени удалены от настоящего духа Церкви, что нам иногда почти невозможно понять, что в Посте есть что-то другое, без чего все эти правила теряют большую часть своего значения. Это что-то другое можно лучше всего определить как некую атмосферу, настроение, прежде всего состояние духа, ума и души, которое в течение семи недель наполняет собой всю нашу жизнь. Надо еще раз подчеркнуть, что цель Поста заключается не в том, чтобы принуждать нас к известным формальным обязательствам, но в том, чтобы смягчить наше сердце так, дабы оно могло воспринять духовные реальности, ощутить скрытую до тех пор жажду общения с Богом.

Эта постная атмосфера, это единственное состояние духа создается главным образом богослужениями, различными изменениями, введенными в этот период Поста в литургическую жизнь. Если рассматривать в отдельности эти изменения, они могут показаться непонятными рубриками, формальными правилами, которые надо формально исполнять; но взятые в целом они открывают и сообщают нам самую сущность Поста, показывают, заставляют почувствовать ту *светлую печаль*, в которой подлинный дух и дар Поста. Без преувеличения можно сказать, что у святых Отцов, духовных писателей и создателей песнопений *Постной Триоди*, которые мало-помалу разработали общую структуру постных богослужений, придали Ли-

тургии Преждеосвященных Даров эту особую, свойственную ей красоту, было одинаковое, единое понимание человеческой души. Они действительно знают духовное искусство покаяния, и каждый год в течение Поста они дают всем, кто имеет уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, возможность воспользоваться их знанием.

Общее впечатление, как я уже сказал, это настроение светлой печали. Я уверен, что человек, входящий в церковь во время великопостного богослужения, имеющий только ограниченное понятие о богослужениях, почти сразу поймет, что означает это с виду противоречивое выражение. С одной стороны, действительно известная тихая печаль преобладает во всем богослужении; облачения — темные, служба — длиннее обычного, более монотонная, почти без движений. Чтение и пение чередуются, но как будто ничего не происходит. Через определенные промежутки времени священник выходит из алтаря и читает одну и ту же короткую молитву, и после каждого прошения этой молитвы все присутствующие в церкви кладут земной поклон. И так в течение долгого времени мы стоим в этом единообразии молитвы, в этой тихой печали.

Но в конце мы сознаем, что эта продолжительная и единообразная служба необходима для того, чтобы мы почувствовали тайну и сперва незаметное действие в нашем сердце этого богослужения. Мало-помалу мы начинаем понимать или скорее чувствовать, что эта печаль действительно светлая, что какое-то таинственное преобразование начинает совершаться в нас. Как будто мы попадаем в такое место, куда не достигают шум и суета жизни, улицы, всего того, что обычно наполняет наши дни и даже ночи, — место, где вся эта суета не имеет над нами власти. Все, что казалось таким важным и наполняло нашу душу, то состояние тревоги, которое стало почти нашей второй природой, куда-то исчезает, и мы начинаем испытывать освобождение, чувствуем себя легкими и счастливыми. Это не то шумное, поверхностное счастье, которое приходит и уходит двадцать раз в день, такое хрупкое и непостоянное; это — глубокое счастье, которое происходит не от одной определенной причины, но оттого, что душа наша, по словам Достоевского, прикоснулась «к иному миру». И прикоснулась она к тому, что полно

света, мира, радости и невыразимой надежды. Мы понимаем тогда, почему службы должны быть длинными и как будто монотонными. Мы понимаем, что совершенно невозможно перейти из нормального состояния нашей души, наполненной суетой, спешкой, заботами, в тот иной мир без того, чтобы сперва успокоиться, восстановить в себе известную степень внутренней устойчивости. Вот почему те, которые думают о церковных службах только как о каких-то обязательствах, которые всегда спрашивают о «минимальных требованиях» («Как часто мы должны ходить в церковь?», «Как часто мы должны молиться?»), никогда не смогут понять настоящего значения богослужений, переносящих нас в иной мир — в присутствие Самого Бога! — но переносят они нас туда не сразу, а медленно, благодаря нашей падшей природе, потерявшей способность естественно входить в этот иной мир.

И вот когда мы испытываем это таинственное освобождение, легкость и мир, печальное однообразие богослужения приобретает новый смысл, оно преображено; оно освещено внутренней красотой, как ранним лучом солнца, который начинает освещать вершину горы, когда внизу, в долине, еще темно. Этот свет и скрытая радость исходят из частого пения «Аллилуия», от общего настроения великопостных богослужений. То, что казалось сперва однообразием, превращается теперь в мир; то, что сперва звучало печалью, воспринимается теперь как самые первые движения души, возвращающейся к утерянной глубине. Это то, что возвещает нам каждое утро первый стих великопостного «Аллилуия»:

От ночи утренюет дух
мой к Тебе, Боже, зане
свет повеления Твоя.

С раннего утра мой дух
стремится к Тебе, Боже,
потому что Твои повеле-
ния — свет (на земле).

Печальный свет: печаль моего изгнания, растроченной жизни; свет Божьего присутствия и прощения, радость возродившейся любви к Богу и мир возвращения в Дом Отца. Таково настроение великопостного богослужения; таково его первое соприкосновение с моей душой.

2. ВЕЛИКОПОСТНАЯ МОЛИТВА СВЯТОГО ЕФРЕМА СИРИНА

Молитву, которую предание приписывает одному из великих наставников духовной жизни святому Ефрему Сирину, можно действительно назвать великопостной молитвой, так как она особенно выделяется среди всех песнопений и молитв Поста.

Вот текст этой молитвы:

Господи и Владыко живота моего,
Дух праздности, уныния, любоначала и праз-
нословия не даждь ми.
Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения
и любви даруй ми, рабу Твоему.
Ей, Господи, Царю!
Даруй ми зрети моя прегрешения
И не осуждати брата моего.
Яко благословен еси во веки веков.
Аминь,

Эта молитва читается дважды в конце каждой великопостной службы от понедельника до пятницы (по субботам и воскресениям она не читается, так как богослужения этих двух дней, как мы увидим позже, отличаются от общего великопостного строя). При первом чтении этой молитвы после каждого прошения кладется земной поклон. Потом двенадцать раз про себя читается молитва «Боже, очисти мя, грешного» с поясными поклонами. Затем вновь читается вся молитва, после которой кладется один земной поклон.

Почему эта короткая и простая молитва занимает такое важное место во всем великопостном богослужении? Потому что в ней перечисляются особым, свойственным только этой молитве образом все *отрицательные* и *положительные* элементы покаяния и определяется, так сказать, список наших индивидуальных подвигов. Цель этих подвигов прежде всего — освобождение от какого-нибудь основного недуга, направляющего всю нашу жизнь и препятствующего нам вступить на путь обращения к Богу.

Основной недуг — *праздность*, лень, нерадение, небрежность. Это — та странная лень и пассивность

всего нашего существа, что тянут нас всегда вниз, а не поднимают вверх, что постоянно убеждают нас в невозможности, а потому и нежелательности что-либо изменить. Это поистине глубоко вкорененный в нас цинизм, который на каждый духовный призыв отвечает: «Зачем?» — и из-за которого в течение всей нашей жизни мы растрчиваем данные нам духовные силы. Праздность — корень всех грехов, потому что она отравляет духовную энергию у самых ее истоков.

Плод праздности — *уныние*, в котором все учителя духовной жизни видят величайшую опасность для души. Человек во власти уныния лишен возможности видеть что-либо хорошее или положительное; для него все сводится к отрицанию и пессимизму. Это воистину дьявольская власть над нами, так как дьявол прежде всего *лжец*. Он лжет человеку о Боге и о мире; он наполняет жизнь тьмою и отрицанием. Уныние — это самоубийство души, потому что, если человек находится во власти уныния, он совершенно неспособен видеть свет и стремиться к нему.

Любоначалие! Любовь к власти. Как ни странно это может показаться, но именно праздность, лень и уныние наполняют нашу жизнь любоначалием. Лень и уныние извращают все наше отношение к жизни, опустошают ее и лишают ее всякого смысла; они заставляют нас искать возмещения в совершенно неправильном отношении к другим людям. Если моя душа не направлена к Богу, не ставит себе целью вечные ценности, она неизбежно станет эгоистичной, эгоцентричной, а это значит, что все другие существа станут средствами для удовлетворения ее желаний и удовольствия. Если Бог не Господь и Владыка моей жизни, то я сам превращаюсь в своего господина и владыку, становлюсь абсолютным центром моего собственного мира и рассматриваю все с точки зрения *моих* потребностей, *моих* желаний и *моего* суждения. Любоначалие, таким образом, в корне извращает мое отношение к другим людям, стараясь подчинить их себе. Оно не всегда побуждает нас действительно командовать и властвовать над другими людьми. Оно может выражаться также в равнодушии, презрении, отсутствии интереса, внимания и уважения к другим людям. Дух праздности и безнадежности в этом случае на-

правлен на других; и духовное самоубийство соединяется здесь с духовным убийством.

После всего этого — *празднословие*. Человек один — среди всех созданных Богом тварей — получил дар речи. Все святые Отцы видят в этом «отпечаток» Образа Божия в человеке, потому что Сам Бог явлен нам как *Слово* (Иоанн 1,1). Но, будучи высшим даром, оно в то же время и наибольшая опасность. Выражая действительно саму сущность человека, его самосуществование, оно именно благодаря этому может стать средством падения, самоуничтожения, обмана и греха. Слово спасает и убивает; слово вдохновляет и слово отравляет. Правда выражается словом, но и дьявольская ложь пользуется словом. Обладая высшей положительной силой, оно поэтому имеет огромную отрицательную силу. Оно создает положительное и отрицательное. Когда слово отклоняется от своей божественной природы и назначения, оно становится *праздным*. Оно подкрепляет дух праздности, уныния и любоначалия, и жизнь превращается в сущий ад. Слово становится тогда действительно властью греха.

Покаяние, таким образом, направлено против этих четырех проявлений греха. Это препятствия, которые надо удалить. Но только Один Бог может это сделать. Поэтому первая часть этой великопостной молитвы — крик из глубины человеческой беспомощности. Затем молитва переходит к положительным целям покаяния; их тоже четыре.

Целомудрие! Если не придавать этому слову, как это часто делают, только его сексуальное, побочное значение, то его надо понимать как положительную противоположность духа праздности. Праздность прежде всего означает рассеяние, разделение, изломанность наших мнений и понятий, нашей энергии, невозможность видеть вещи, как они есть, в их целом. Противоположность праздности и есть именно *целостность*. Если обычно считают целомудрие добродетелью, противоположной сексуальному развращению, то это происходит только благодаря тому, что изломанность нашего существования нигде так себя не выражает, как в сексуальном разврате, в отчуждении жизни тела от жизни духа, от духовного контроля. Христос восстановил в нас целостность, восстановил

настоящую иерархию ценностей, приведя нас обратно к Богу.

Первый чудесный плод этой целостности или целомудрия — *смирение*. Мы уже говорили о нем. Оно прежде всего победа правды в нас самих, уничтожение всей той лжи, в которой мы обычно живем. Одни *смиренные* способны жить по правде, видеть и принимать вещи так, как они есть, и благодаря этому видеть Божие величие, доброту и любовь ко всем. Вот почему сказано, что Бог смиренным дает благодать и противится гордым.

За целомудрием и смирением естественно следует *терпение*. Падший в своей естественной природе человек — нетерпелив, так как, не видя самого себя, он скор на суд и осуждение других. Его понятия обо всем неполные, изломанные, искаженные; он судит обо всем согласно со своими вкусами и со своей точки зрения. Он равнодушен ко всем, кроме как к самому себе, поэтому он хочет, чтобы жизнь для него стала немедленно удачной.

Терпение поистине божественная добродетель. Господь терпелив не потому, что Он снисходительно к нам относится, но потому, что Он видит реально самую глубину вещей, которую мы по своей слепоте не видим и которая открыта Ему. Чем больше мы приближаемся к Богу, тем терпеливее мы становимся, тем более отражаем в себе свойственное одному Богу бережное отношение, уважение к каждому отдельному существу.

Наконец, венец и плод всех добродетелей, всех усилий и подвигов есть *любовь*, та любовь которая, как мы уже сказали, может быть дана одним Богом; это тот дар, который является целью всего духовного приготовления и опыта.

Все это сведено воедино в последнем прошении великопостной молитвы, в котором мы просим «видеть свои прегрешения и не осуждать брата своего». В конце концов, перед нами стоит одна опасность — *гордыня*. Гордость — источник зла, и зло — источник гордости. Недостаточно, однако, видеть свои прегрешения, потому что даже эта кажущаяся добродетель может обратиться в гордость. Писания святых Отцов полны предостережением против этого вида ложного благочестия, которое на самом деле, под прикрытием сми-

рения и самоосуждения, может привести к дьявольской гордыне. Но когда мы «видим наши грехи» и «не осуждаем брата своего», когда, другими словами, целомудрие, смирение, терпение и любовь соединяются в нас в одно целое, тогда и только тогда главный враг — гордость — уничтожается в нас.

После каждого прошения молитвы мы кладем земной поклон. Не только во время молитвы святого Ефрема Сирина кладут земные поклоны; они составляют отличительную характеристику всего великопостного богослужения. Но в этой молитве значение их раскрывается лучше всего. В долгом и трудном подвиге духовного возрождения Церковь не отделяет души от тела. Человек отпал от Бога весь целиком, душой и телом; и весь целиком человек должен быть восстановлен, чтобы вернуться к Богу. Греховное падение состоит именно в победе плоти — животной, иррациональной похоти в нас — над духовной, божественной природой. Но тело прекрасно, тело свято, так свято, что Сам Бог «стал плотью». Спасение и покаяние тогда не презрение к телу, не небрежение им, — но восстановление тела в его настоящем служении, как выражения жизни и духа, как храма бесценной человеческой души. Христианский аскетизм не борьба *против* тела, но за него. Вот почему весь человек — душой и телом — кается. Тело участвует в молитве души так же, как и душа молится не вне, а в своем теле. Таким образом, земные поклоны, психо-телесный знак покаяния и смирения, поклонения и послушания, являются отличительной чертой великопостного богослужения.

3. СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ

Церковная молитва всегда *библейская*, то есть выражается она языком, образами и символами Святого Писания. Если Библия содержит в себе Божественное Откровение, то она также и вдохновенный ответ человека на это Откровение и потому — выражение и содержание человеческой молитвы, хвалы и поклонения. Возьмем как пример псалмы; прошло несколько тысяч лет с тех пор, как они были написаны, однако, когда человек хочет выразить свое раскаяние, всем потрясенным существом своим призвать милосердие Божие, он находит единственное совершенное выражение

своей молитвы в покаянном псалме 50: «Помилуй мя, Боже!» Во всех возможных положениях человека перед Богом, миром, другими людьми, начиная от захватывающей радости Божьего присутствия до бездонного отчаяния человека в изгнании, в грехе или болезни, — совершенное выражение своей молитвы он находит в этой единственной книге, которая поэтому всегда составляла ежедневное питание Церкви, средство ее молитвы и самоназидания.

В Великом Посту на библейском измерении церковного богослужения ставится как бы особое ударение. Можно сказать, что в течение сорока дней Поста человек и Церковь как бы возвращаются духовно в состояние Ветхого Завета, во времена *до* Христа, время покаяния и ожидания, время «истории спасения», движущейся к своему исполнению во Христе. Это возвращение необходимо, так как, несмотря на то, что мы принадлежим ко времени *после* Христа, знаем Его и крестились в Него, мы постоянно отпадаем от новой жизни, полученной от Него, и это означает, что мы возвращаемся к «старым» временам. Церковь, с одной стороны, уже «дома», ибо она *есть* «благодать Господа нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца и причастие Святого Духа»; а с другой стороны, она все еще «в пути», в долгом и трудном странствии к исполнению всего сущего в Боге, к возвращению Христа в конце времен.

Великий Пост — время актуализации этого второго призвания Церкви, жизни ее как ожидания и странствия. Поэтому здесь Ветхий Завет приобретает свое полное значение не только как книга пророчеств, уже осуществившихся, но как книга о человеке и всем сотворенном мире на пути к Царству Небесному.

Чтения Ветхого Завета во время богослужений Великого Поста совершаются двояко: это, во-первых, удвоенное чтение Псалтыри и, во-вторых, «lectio contempnua», то есть чтение по порядку и целиком трех Ветхозаветных книг: *Бытия, Пророка Исаии и Притч Соломоновых*.

Псалмы всегда занимали в христианском богослужении центральное и исключительно важное место. Церковь видит в них не только лучшее и самое верное выражение человеческой молитвы, раскаяния, поклонения, хвалы, но и настоящую «устную икону» Христа

и Церкви, откровение в Откровении. Святые Отцы считают, по словам одного толкователя их писаний, что «только Христос и Его Церковь молятся, плачут и говорят в этой книге» (книге псалмов). Поэтому с самого начала *псалмы* составляли основу молитвы Церкви, ее «естественный язык». В богослужении псалмы употребляются, во-первых, как постоянная основа ежедневных служб: «вечерний псалом» 103 за вечерней; шестопсалмие, псалмы 3, 38, 63, 88, 103, 143; «хвалитные» псалмы 148, 149, 150 во время утрени; по три псалма на каждом часе и т. д. Из *Псалтыри* выбраны *Прокимены*, стихи для «Аллилуия» в дни годовичных праздников и др. И наконец вся Псалтырь, разделенная на двадцать частей, *Кафизм*, читывается ежедневно за вечерней и утреней; это третье употребление Псалтыри удвоено во время Великого Поста; вся Псалтырь прочитывается не один, а два раза каждую неделю Поста, когда чтение кафизм включается еще в Третий и Шестой Час.

Установление «постоянного чтения» Бытия, Исаии и Притч целиком восходит к тем временам, когда Великий Пост был еще главным образом подготовительным периодом к крещению и богослужения носили особый поучительный характер для наставления оглашенных в вере христианской. Каждая из этих трех книг содержит в себе одну из основных частей Ветхого Завета: история сотворения Богом мира, пророчества и моральные и нравственные поучения.

Книга Бытия дает нам как бы основную рамку верований Церкви. Она содержит в себе историю сотворения мира, грехопадения и, наконец, обещание и начало спасения заключением первого Завета Бога с Его избранным народом. Она передает нам основные верования Церкви в Бога как Творца, Судию и Спасителя. Она открывает нам самые корни христианского понимания человека, созданного «по образу и подобию Божию», отпавшего от Бога и остающегося объектом божественной любви, заботы и конечного спасения. Она объясняет смысл истории как истории спасения, ведущей к Христу и завершенной Им. Она возвещает нам тайну Церкви, переданную в образах и событиях жизни избранного народа, Завета, Ковчега и т. д.

Исаия — величайший из всех пророков, и чтение его пророчеств в течение всего Великого Поста должно

открыть нам еще раз великую тайну спасения через страдания и жертву Христа.

И в конце концов Книга Притч — как бы итог нравственного учения Ветхого Завета, морального закона и мудрости; не принимая их во внимание, не соглашаясь с ними, человек не может понять своего отпадения от Бога и поэтому не способен даже услышать благую весть прощения, посылаемого нам любовью и благодатью.

Поучения из этих трех книг читаются ежедневно в течение Великого Поста от понедельника до пятницы включительно; книги Бытия и Притч за вечерней, пророчества Исаии на Шестом Часе. И хотя Великий Пост давно перестал быть периодом, подготовляющим к крещению, главная цель этих чтений полностью сохраняет свое значение. Наша христианская вера требует этого ежегодного возвращения к своим библейским корням и основаниям, так как не может быть предела нашего возрастания в понимании Божественного Откровения. Нельзя рассматривать Библию как сборник догматических теорем, которые надо заучить и запомнить раз навсегда; это живой голос Самого Бога, вновь и вновь говорящего с нами, вводящего нас все глубже в неисчерпаемые богатства Его Мудрости и Любви. Самая большая трагедия нашей Церкви — почти полное незнание Святого Писания среди членов Церкви и, что еще хуже, действительно полное равнодушие к нему. То, что было бесконечной радостью, интересом, духовным и интеллектуальным ростом для отцов Церкви, для святых, теперь для стольких современных православных превратилось в устарелые тексты, не имеющие никакого значения для их жизни. Будем надеяться, что если вновь воспринимаются дух и значение Великого Поста, то это означает, что и Святое Писание вновь воспринимается как настоящая духовная пища и общение с Богом.

4. ТРИОДЬ

Великий Пост имеет свою особую богослужебную книгу: *Триодь постную*. В эту книгу входят все песнопения (стихиры и каноны), библейские чтения на каждый день Поста, начиная с Воскресения мытаря и фарисея и кончая вечерней Святой и Великой Субботы.

Песнопения Триоди были составлены большею частью уже после фактического исчезновения оглашенных (крещаемых во взрослом возрасте и требующих подготовки к крещению). Поэтому в них главным образом говорится и выделяется не крещение, а покаяние. К сожалению, в настоящее время очень мало кто знает красоту и глубину этих великопостных служб. Незнание *Триоди* — главная причина, почему в христианском сознании постепенно иначе стали пониматься смысл и значение Поста, что мало-помалу обратило Пост в соблюдение чисто формальных предписаний и ограничений в пище. Подлинное вдохновение и призыв Великого Поста в настоящее время почти утеряны, и единственная возможность их вновь приобрести — это внимательное слушание всех песнопений Триоди.

Обратим внимание, например, на то, как часто в стихирах мы слышим предупреждение именно против «формального» и, следовательно, лицемерного понимания Поста. Уже в среду Мясопустной недели мы слышим:

От брашен постяшися
душе моя и страстей не
очистившися, всуе радуе-
шися неядением: аще бо
не вина ти будет ко исп-
равлению, яко ложная
возненавидена будеши от
Бога. И злым демоном
уподобишися, николиже
ядущим. Да не убо согре-
шаючи, пост непотребен
сотвориши: но непоколе-
бима к стремлениям без-
местным пребывай, мня-
щи предстояти распятому
Спасу, паче же сраспяти-
ся тебе ради распенше-
муся!

Вотще ты радуешься, о
душа, что воздержива-
ешься от пищи, тогда как
от страстей ты не очище-
на. В тебе нет желания
исправления, ты будешь в
презрении, как лживая,
пред очами Бога, ты бу-
дешь сравнена с злыми
демонами, которые никог-
да не едят! Если ты бу-
дешь продолжать гре-
шить, твой Пост будет
бесполезен; поэтому стре-
мись постоянно стоять пер-
ед Распятым Спасите-
лем или скорее стремись
сораспяться Ему, Кото-
рый был распят для тво-
его спасения.

Или вот еще стихира среды четвертой недели:

Втайне добродетелей де-
лающие, духовная воз-
даяния чающие, не посред-
и торжищ и распутий яв-
ляют сия, но внутрь сердца
носят паче; и всех ви-
дая бываемое втайне,
изду воздержания подает
нам. Пост совершаем, не
сетующи лица, и в клетех
душ наших молящися, не-
престанно возопиим: Отче
наш, Иже еси на небесех,
не введи нас во искуше-
ние, но избави нас от лу-
кавого.

Жаждающие духовных уте-
шений совершают свои
добрые дела втайне, не
разглашая их на торжи-
щах и площадях, но не-
престанно молясь в глу-
бине сердца: потому что
Тот, Кто видит сотворен-
ное втайне, вознагражда-
ет нас за наше воздержа-
ние. Постимся не с пе-
чальными лицами, но не-
престанно молясь в глуби-
не души: Отче наш, Ко-
торый на небесах, не вве-
ди нас во искушение, но
избавь нас от лукавого.

В течение всего Великого Поста в стихирах посто-
янно говорится о противоположности смирения мытаря
и самохвальства фарисея и осуждении лицемерия.
В чем же состоит настоящий Пост? Триодь отвечает:
прежде всего во внутреннем очищении:

Постимся вернии от
пищей тленных, и стра-
стей всегубительных, да от
божественного Креста
жизнь обьемем, и со бла-
гоумным разбойником к
начальному отечеству воз-
вратимся...

Постимся, верующие, что-
бы избавиться от вред-
ной пищи и губительных
страстей, чтобы получить
жизнь от божественного
Креста и вернуться с бла-
горазумным разбойником
в Отчий дом...

А также вернуться к любви; это борьба против
растроченной жизни, против ненависти, несправедли-
вости, зависти:

Постяшеся, братие, те-
лесне, постимся и духов-
но: разрешим всякий со-
юз неправды; расторгнем
стропотная нуждных из-

Братие, постясь телесно,
будем поститься и духов-
но: развяжем всякие сою-
зы неправды, расторгнем
препятствия к нужным

менений, всякое списание несправедливое раздерем, дадим алчущим хлеб, и нищие бескровные введем в дома: да примем от Христа Бога велию милость.

Приидите, вернии, делаем во свете дела Божия, яко во дни благообразно ходим, всякое несправедливое списание от себя ближнего отимем, не полагаяще преткания сему в соблазн. Оставим плоти сладострастие, возрастим души дарования, дадим требующим хлеб, и приступим Христу в покаянии вопиюще: Боже наш, помилуй нас.

В то время, когда мы слушаем эти стихиры, как мы далеки от фарисейского понимания Поста, которое в настоящее время преобладает и определяет исключительно отрицательное отношение к Посту, как к известному неудобству, на которое мы по своей доброй воле соглашаемся, «страдаем», на которое автоматически зачтется нам как наша заслуга и доведет нас до оправдания Богом. Сколько людей соглашаются с той мыслью, что Пост — это время, когда что-то само по себе приятное и хорошее *запрещено*, как будто Господь находит удовольствие в том, чтобы нас мучить. Однако для творцов великопостных стихир Пост означает как раз совершенно противоположное; это возвращение к нормальной жизни, к тому пощению, которое нарушили Адам и Ева, допустив таким образом в мир страдание и смерть. Поэтому Великий Пост приветствуется как духовная весна, как время радости и света:

Возсия весна постная,
цвет покаяния...

изменениям, разорвем несправедливые писания. Дадим алчущим хлеб и приютим нищих и бездомных, дабы получить от Христа Бога великую милость.

Придите, верующие, будем во свете делать дела Божии, как днем будем ходить честно, благообразно. Избавимся от несправедливого обвинения ближнего, не стараясь столкнуть с пути на соблазн другим. Оставим сладострастие плоти, разовьем данные нашей душе дарования и приступим к Христу в покаянии, взывая: «Боже наш, помилуй нас!»

Засияла весна постная,
цвет покаяния...

Постное завещание радостно воспримем: аще бы сие праотец сохранил, Едемского отпадения не прияли быхом...

Время веселое поста, тем же чистоты световидная и любви чистая, молитвы светозарная, и всякия инныя добродетели насытятся богато, светло возвозопим...

Только те, кто «радуются о Господе», для которых Христос и Его Царство высшее желание и радость их жизни, способны радостно принять борьбу против зла и греха и участвовать в окончательной победе над ними. Вот почему только к мученикам, среди разных видов святости, обращаемся мы за каждой великопостной службой, только они восхваляются в особых, посвященных им стихирах. Потому что именно мученики предпочли Христа всему другому на свете, включая самую жизнь; они так радовались во Христе, что могли вместе со святым Игнатием Антиохийским сказать, умирая: «Теперь мы начинаем жить...». Они — свидетели Царствия Божия, потому что только тот, кто видел и вкусил его сладость, способен на такое высшее самозабвение. Они наши спутники, наши вдохновители в течение Великого Поста, который для нас именно есть время борьбы за восстановление божественного, небесного и вечного начала в наших душах.

Едино дышуще, на едино взирающе страстотерпцы мученицы, един путь живота обретше, за Христа смерть...

В броня оболкшися добре и образом крестным вооружившее себе воины благомощнии покажетеся мучителем мужески

Радостно воспримем завещание Поста! Если бы праотец наш (Адам) не нарушил Поста, мы не были бы лишены рая...

Время Поста — время радостное светлой чистоты, чистой любви, светозарной молитвы; насытившись обильно всякой другой добродетелью, радостно воззовем...

Одним дыша, на одно взирая, страстотерпцы мученики, вы нашли один путь жизни — смерть за Христа...

Облекшись в броню правды, вооружившись силою Креста, вы были воинами, добром побеждающими. Вы мужественно

противистесь, и диаволу прелесть потребисте, победители бывше венцев сподобистесь: молитесь Христу Богу о нас, во еже спастися душам нашим.

противились вашим учителям, и одолев дьявольские козни, стали победителями и сподобились венцов: молитесь Христу Богу о нас, чтобы души наши были спасены.

В течение сорока дней Крест Господень, Его Воскресение и сияющая радость Пасхи — главная тема всех великопостных песнопений, постоянное напоминание, что, как бы труден и узок ни был путь, он в конце ведет к трапезе Христа в Его Царстве. Как я уже сказал, ожидание и предвкушение пасхальной радости проходит через весь Пост и придает настоящий смысл постному подвигу.

Желающе Божественная Пасхи причастится... Последуем постом на диавола победу показавшему... Снемы Пасху Христову священнейшую.

Желая причаститься Божественной Пасхи... продолжим Пост, дающий нам победу над дьяволом... и приобщимся священнейшей Христовой Пасхе.

Постная Триодь — неизвестная, забытая книга! Если бы мы только знали, что в ней мы можем найти возрождение, обрести вновь дух не только Великого Поста, но и всего Православия — «пасхального» обряда жизни, смерти и вечности.

Глава 3

ЛИТУРГИЯ ПРЕЖДЕОСВЯЩЕННЫХ ДАРОВ

1. ДВА ЗНАЧЕНИЯ ПРИЧАСТИЯ

Из всех богослужебных правил, относящихся к Великому Посту, наиболее важно понять одно, так как оно, будучи особенностью Православия, часто является ключом для объяснения его богослужебного предания. Это правило — запрещение совершения Божественной литургии в будние дни недели в течение Великого Поста. Устав ясно гласит, что ни в коем случае не должно совершать Божественной литургии от понедельника до пятницы включительно, кроме как если Благовещение случится в один из этих дней. Однако по средам и пятницам совершается, соединенное с вечерней, особое богослужение, называемое *Литургией Преждеосвященных Даров*, за которой можно причащаться.

Значение этого правила было настолько забыто во многих приходах, особенно тех, которые долгое время были под западным, латинским влиянием, что его просто перестали соблюдать, и по чисто латинскому обычаю частные, заказные или заупокойные, литургии совершаются в течение всего Великого Поста. Но даже там, где это правило соблюдается с чисто формальной покорностью, редко кто старается понять его духовное значение, понять внутреннюю логику Поста. Поэтому мы считаем важным объяснить более подробно смысл этого правила, которое относится к одному лишь Великому Посту, но освещает все богослужебное предание Православия.

В общих чертах здесь выражается и применяется один из основных принципов богослужения: совершение Евхаристии несовместимо с Постом. В этом православная традиция сильно отличается от евхаристиче-

ского богословия западного католичества; в Православии совершение Евхаристии всегда — праздник и радость. Это прежде всего таинство явления Христа, Его присутствия среди своих учеников и поэтому празднование — очень реальное — Его Воскресения. И действительно, явление и присутствие Христа за Евхаристией является для Церкви доказательством Его Воскресения. В радости и «горении сердец», испытанных учениками по пути в Еммаус, Христос открыл Себя им в преломлении хлеба (Лука 24, 13—35); в Церкви — это вечный источник опытного и существенного познания Воскресения. Никто не видел само Воскресение Спасителя, но ученики поверили в Него, не потому, что кто-то научил их этому, но потому, что они видели воскресшего Господа, явившегося им при закрытых дверях («дверем заключенным»). Он явился им и участвовал с ними в трапезе.

Евхаристия пребывает все тем же явлением и присутствием, той же радостью и «горением сердец», той же сверхразумной и в то же время абсолютной уверенностью, что Воскресший Господь явил Себя в преломлении хлеба. И так велика эта радость, что в первохристианской Церкви день Евхаристии не был *одним* из дней, но *Днем Господним*, днем уже вне времени, так как в Евхаристии уже предвосхищается Царствие Божие. Во время Тайной Вечери Христос Сам сказал Своим ученикам, что Он завещал им Царство так, чтобы они могли «есть и пить за трапезой (столом) в Его Царстве»: «Да ядите и пиете за трапезою Моею в Царстве Моем» (Лука 22, 30). Поэтому присутствие за Евхаристией Воскресшего Спасителя, вознесшегося на небеса и сидящего одесною (по правую сторону) Отца — есть участие в Его Царстве, приобщающее нас «радости и миру во Святом Духе». Причастие — «пища бессмертия», «небесный хлеб», и мы, приближаясь к Святой Трапезе, действительно возносимся на небо. Таким образом, Евхаристия — *праздник* Церкви, или, еще лучше, — сама Церковь, как праздник, как радость о присутствии Христа, как предвкушение вечной радости в Царствии Божием. Каждый раз, когда Церковь совершает Евхаристию, она — на небе, в своем небесном отечестве; она восходит туда, куда Христос вознесся, дабы нам «есть и пить за трапезой Его в Его Царстве»... Теперь стано-

вится понятным, почему Евхаристия несовместима с Постом, потому что, как мы увидим ниже, когда мы постимся, мы изображаемся Церковью как странники на пути к Царствию Небесному. А «сыны чертога брачного, — как сказал Христос, — не могут печалиться, пока с ними жених» (Матф. 9, 15).

Но почему же тогда, можно спросить, в дни Поста все же допускают к Причастию за Литургией Преждеосвященных Даров? Не противоречит ли это принципу, изложенному выше? Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть второе объяснение православного понимания Причастия, его значения, как источника и главной силы, поддерживающей нас в нашем духовном подвиге. Если, как мы только что говорили, Причастие есть завершение всех наших подвигов, цель, к которой мы стремимся, величайшая радость нашей жизни во Христе, оно также *необходимый* источник и *начало* самого нашего духовного подвига, божественный дар, благодаря которому нам становится возможным знать, желать и стремиться к совершенному причастию в не вечернем дне» (бесконечном дне) Царствия Божия. Потому что, хотя Царствие уже пришло, хотя оно приходит в Церковь, оно все же должно быть исполнено и завершено в конце времен, когда Бог «исполнит» (наполнит) все Самим Собой. Мы знаем это и участвуем в предвкушении этого дня: мы участвуем *теперь* в Царстве, которое должно еще *прийти*. Мы предвидим и предвкушаем его славу и счастье, но мы все еще на земле, и все наше земное существование поэтому длинный и часто трудный путь к завершающему все Дню Господню. На этом пути нам нужны помощь, поддержка, сила и утешение, потому что «князь мира сего» еще не сдался; наоборот, зная, что он побежден Христом, он предпринимает последнюю, отчаянную борьбу против Бога, стараясь оторвать от Него насколько возможно больше душ. Так трудна эта борьба и так велика власть у врат адовых, что Христос Сам говорит нам про «узкий путь», немногим доступный. И в этой борьбе именно Тело и Кровь Христовы наша главная помощь, та насущная пища, что поддерживает жизнь нашего духа и благодаря которой, несмотря на все искушения и опасности, мы следуем за Христом. Вот почему, причастившись, мы молимся:

...даждь быти сим и мне во исцеление души же и тела, во отгнание всякого сопротивного, в просвещение очию сердца моего, в мир душевных моих сил, в веру непостыдну, в любовь нелицемерну, во исполнение премудрости, в соблюдение заповедей Твоих, в приложение Божественных Твоей благодати, и Твоего Царствия присвоение...

...да не опалиши мене, Содетелю мой: паче же пройти во уды моя, во вся составы, во утробу, в сердце... да яко Твоего дому, входом причащения, яко огня мене бежит всяк злодей, всяка страсть...

Если Великий Пост и воздержание означают усиление этой борьбы, это потому, что — согласно с Евангелием — это время, когда мы лицом к лицу встречаемся со злом и всей его силой. И поэтому именно в это время нам нужна помощь и сила Божественного огня; отсюда необходимость особого великопостного Причастия Преждеосвященными Дарами, то есть Дарами, освященными в предшествующее воскресение и хранящимися на престоле в алтаре для причащения в среду и пятницу.

Совершение Евхаристии — это одна непрерывная, постоянная радость, поэтому ее не совершают в дни Поста; и, однако, в Церкви всегда присутствует плод Евхаристии — Святые Дары. Подобно тому, как Христос видимо вознесся на небо, но в то же время невидимо присутствует в мире, так же, как Пасха, которая празднуется раз в год, но в то же время лучами сво-

...дай, чтобы эти (Святые Дары) были мне для исцеления души и тела, для отгнания всякого противника, для просвещения очей моего сердца; да будут они миром душевных моих сил, непостыдной верой, нелицемерной любовью, исполнением премудрости, соблюдением Твоих заповедей, прибавлением Божественной Твоей благодати для того, чтобы достичь Твоего Царствия...

...не опали меня, Создатель мой, — но пройди в члены мои, во все составы, в утробу, в сердце... чтобы от входа Причастия в мое сердце, как в Твой дом, бежало от меня все дурное, все страсти, как от огня...

ими освещает всю жизнь Церкви; подобно, как Царство Божие должно еще наступить, но уже теперь — посреди нас, так же и Евхаристия. Как таинство и торжество Царства, как праздник Церкви она несовместима с постом и не совершается Великим Постом; но как благодать и сила Царства, действующая в мире, как дар «существенной пищи» и оружия в нашей духовной борьбе, она действительно небесная манна, которой мы живем в течение нашего странствия по пустыне Великого Поста.

2. ДВА ЗНАЧЕНИЯ ПОСТА

Теперь возникает следующий вопрос: если Евхаристия несовместима с Постом, то почему же она совершается по субботам и воскресениям Великого Поста и это не считается нарушением Поста? Здесь как будто есть противоречие в церковных канонах. В то время, как некоторые из них запрещают Пост по воскресениям, другие запрещают нарушать Пост в течение сорока дней. Однако, это только кажущееся противоречие, потому что оба правила, которые как бы исключают друг друга, на самом деле говорят о двух разных значениях слова. Понять это особенно важно, так как здесь нам открывается православная философия Поста, существенная для всего нашего духовного подвига.

Действительно, есть два вида или способа Поста, оба укорененные в Священном Писании и Священном Предании. Первый вид может быть назван *совершенным* Постом, так как он состоит действительно в совершенном воздержании от пищи и питья. Второй вид можно определить как *аскетический* Пост, так как он состоит главным образом в воздержании от некоторого рода пищи и в уменьшении общего ее количества. Совершенный Пост, по самой своей природе, продолжается недолго, сводится обычно к одному дню или даже части дня. С самого начала христианства Пост рассматривался как *приготовление* и *ожидание*, как выражение духовной сосредоточенности на том, что должно совершиться. Физический голод соответствует здесь духовному ожиданию завершения, приготовлению всего человеческого существа, открывающегося приближающейся радости. Поэтому в церковном бо-

гослужебном предании мы находим этот совершенный Пост как завершение и вершину приготовления к великому празднику, то есть к личному духовному событию. Такой Пост бывает, например, накануне Рождества, Крещения, наипаче же, — как приготовление к духовному пиру за трапезой Христа Спасителя в Его Царстве. Совершенный Пост, более или менее продолжительный, всегда предшествует Евхаристии и является необходимым условием для приступающего к Святому Причащению. Многие люди не понимают этого правила, видят в нем только устарелый обычай и спрашивают себя, почему необходимо приступать к Причастию с пустым желудком? Если рассматривать это правило с точки зрения физической и грубо физиологической, как нечто дисциплинарное, то оно, конечно, теряет свое значение. Поэтому неудивительно, что в Римско-Католической Церкви, где духовное понимание Поста давно заменено дисциплинарным, юридическим (как пример: возможность давать «разрешение», освобождать от Поста, как будто Пост нужен Богу, а не человеку), Пост перед Причастием теперь фактически уничтожен. Однако в своем подлинном значении этот совершенный Пост — выражение того ритма, приготовления и завершения, которым живет Церковь, потому что она одновременно ожидает Христа в мире сем и преображения мира сего в грядущий. Можно прибавить, что в первохристианской Церкви совершенный Пост обозначался словом, взятым из военного словаря; он назывался *statio*, что обозначает войско в положении военной тревоги и мобилизации. Церковь всегда «на страже», она ждет пришествия Жениха и ожидает его наготове и с радостью. Таким образом, совершенный Пост — это не только Пост членов Церкви, но и Церковь сама как Пост, как ожидание Христа, Который приходит к ней в Евхаристии и Который придет во славе в конце времен.

Совершенно иной духовный смысл второго вида Поста, того, который мы называли аскетическим. Цель этого Поста — освобождение человека от незаконной тирании плоти, от подчинения духа телу и его требованиям, которое является трагическим последствием первородного греха, грехопадения человека. Только после продолжительных и терпеливых усилий пони-

маем мы, что «не хлебом одним жив человек», и восстанавливаем в себе первенствующую роль духа. По самой своей природе это должен быть длительный и усиленный подвиг. Фактор времени очень важен здесь, так как действительно нужно много времени, чтобы с корнем вырвать и исцелить обычную и общую болезнь, которую люди стали считать своим нормальным состоянием. Наука аскетического Поста, доведенная до совершенства в монашеской традиции, была принята всей Церковью. Здесь мы видим примененные к человеку слова Христа, сказавшего, что силы адавы, порабащающие человека, могут быть побеждены только молитвою и Постом. Это Пост, основанный на примере Самого Христа, постившегося сорок дней и затем встретившегося лицом к лицу с сатаной; в этой встрече ниспровержена была покорность человека только хлебу, и таким образом положено было начало духовного освобождения человека. Церковь выделила для такого аскетического Поста четыре периода: Великий Пост перед Пасхой, Рождественский — перед Рождеством, Петровский — перед праздником святых апостолов Петра и Павла и Успенский — перед Успением Божией Матери. Четыре раза в год Церковь зовет нас очиститься и освободиться от порабления телу святым лечением Поста, и каждый раз успех этого лечения зависит от некоторых основных правил, главное из которых — непрерывность и продолжительность Поста.

Различие этих двух видов Поста должно помочь нам понять кажущееся противоречие канонов, определяющих порядок Поста. Устав, запрещающий Пост по воскресеньям, буквально означает то, что нарушает Пост совершение Евхаристии, которая сама и есть завершение Поста, его цель и его окончание. Это означает, что воскресение, день Господень, вне Поста, поскольку он как бы и вне времени. Другими словами, это означает, что воскресение, как день Царства Небесного, не принадлежит тому времени, смысл которого как странствия и выражает Пост; воскресение, таким образом, остается днем не Поста, а духовной радости.

Но нарушая совершенный Пост, Евхаристия не нарушает аскетического Поста, который, как мы уже объяснили, требует *постоянного* подвига. Это означа-

ет, что Великим Постом и по воскресениям пища остается постной. Точнее говоря, мясо и молочная пища запрещены только благодаря психо-соматическому характеру аскетического Поста, ибо Церковь знает, что, если нужно покорить духу тело, оно должно быть подвергнуто терпеливому и долгому воздержанию. В России монахи, например, никогда не едят мяса; но это не значит, что они постятся на Пасху и в другие великие праздники. Можно сказать, что в некоторой степени аскетический Пост присущ христианской жизни, и христиане должны его соблюдать. Но люди, считающие — увы, так часто, — что на Пасху почти необходимо предаваться объедению и пить свыше меры, превращают настоящий дух Пасхи в печальную и уродливую карикатуру. Действительно трагично, что в некоторых церквях люди на Пасху не хотят приступать к Причастию, принимая прекрасные слова поучения святого Иоанна Златоуста: «Трапеза исполнена, насладитесь вси. Телец упитанный, никтоже да изыдет алчай» (по-русски: «Стол изобилует яствами, наслаждайтесь все. Телец (теленки) откормлен; пусть никто не уйдет отсюда голодным»), — вероятно, как буквальное описание пасхального стола. Праздник Пасхи — духовная реальность, и для того, чтобы ощутить и правильно пережить ее, требуется столько же трезвости, сколько и духовной сосредоточенности Поста.

Надо понять, что нет противоречия в том, что Церковь настаивает на воздержании от скоромной пищи по воскресным дням Великого Поста и в то же время осуждает Пост в дни Евхаристии. Ибо только следуя обоим этим правилам, исполняя все правила приготовления к Евхаристии и не ослабляя подвига «душе-спасительной сорокадневницы» (сорока дней Поста), мы можем действительно достигнуть духовной цели Великого Поста.

Все вышесказанное привело нас теперь к тому особому месту, которое занимает в Великом Посту Литургия Преждеосвященных Даров.

3. ВЕЧЕРНЕЕ ПРИЧАЩЕНИЕ

Первая и главная характеристика Литургии Преждеосвященных Даров — это *вечернее богослужение*.

Выражаясь точнее, — это причащение после вечерни. В ранние времена церковной жизни это богослужение было лишено теперешней его торжественности, и тогда его связь с вечерней была еще более очевидна. Поэтому первый вопрос касается именно этой характерной черты Литургии, связанной с вечерней. Мы уже знаем, что православное предание требует совершенного Поста перед Евхаристией. Этот общий принцип объясняет то, что Евхаристия, в отличие от всех других богослужений, не имеет своего *определенного часа*, ибо время ее совершения зависит главным образом от того дня, в который она совершается. Так, по большим праздникам по *Типикону* полагается служить Литургию очень рано, так как всенощная (всенощное бдение) заменяет Пост для приготовляющихся к Причастию. Но когда праздник менее значителен и не бывает всенощной, Евхаристия совершается позднее, хотя бы теоретически в обычные дни недели она заканчивается в полдень. Наконец, в те дни, когда положен строгий или совершенный Пост, к Причастию («нарушению поста») подходят уже после полудня. К сожалению, в настоящее время эти правила забыты и ими пренебрегают, хотя значение их очень просто: Евхаристия всегда бывает завершением приготовления к ней, как исполнение ожидания, и потому час ее совершения соотноситель с Постом, приготовляющим к ней. Этот Пост либо отождествляется с всенощным бдением, либо же должен быть исполнен индивидуально. А так как Великим Постом среда и пятница суть дни совершенного воздержания, то причащение как завершение Поста совершается за вечерним богослужением. Следуя той же логике, в *Сочельники* Рождества и Богоявления, два дня совершенного Поста, Евхаристия совершается после вечерни. Однако, если канун этих праздников случается в субботу или воскресенье, то есть в дни евхаристические по православной традиции, совершенный Пост переносится на пятницу. Другой пример: если Благовещение попадает на один из этих будних дней Великого Поста, Литургия совершается после вечерни. Эти правила, которые стольким кажутся устарелыми, второстепенными, на самом деле показывают основной принцип православной богослужебной духовности: Евхаристия всегда — конец приготовления и завершение ожидания; а так

как в Церкви Пост есть самое главное выражение приготовления, то совершенный Пост венчается причащением после вечерни.

Великим Постом, следуя церковному уставу, по средам и пятницам полагается полное воздержание от пищи до захода солнца. Поэтому именно эти дни Великого Поста выбраны для причащения, которое, как мы уже сказали, является главным оружием в великопостной духовной борьбе. Эти дни особенно напряженного физического и духовного подвига освящены ожиданием причащения Тела и Крови Христовых, и это ожидание поддерживает нас в нашем подвиге, как духовном, так и физическом; цель этого подвига становится радостью ожидания вечернего причащения. «Возведу очи мои к горам, откуда придет помощь» (псалом 120).

Каким серьезным и важным становится день, который я должен провести в обычных занятиях, но который весь проходит во свете приближающейся встречи с Христом; как все то обычное и незначительное, заполняющее мое ежедневное существование, то, к чему я привык и на что не обращаю никакого внимания, приобретает новое значение. Всякое слово, сказанное мной, всякое действие, всякая мысль, приходящая мне в голову, становятся важными, единственными, непреложными; или они по существу связаны с ожиданием Христа, или противоречат ему. Само время, которое мы обычно так легко тратим, приобретает свое настоящее значение как время либо спасения, либо гибели. Вся наша жизнь становится тем, чем она стала после пришествия Христа на землю: вознесением к Нему или уходом от Него во тьму и погибель.

Действительно, нигде лучше и полнее не раскрывается значение Поста, как в эти дни вечернего причащения, значение не только Великого Поста, но и всей Церкви и христианской жизни в целом. Во Христе вся жизнь, время, история, сам космос стали ожиданием, приготовлением, надеждой, вознесением. Христос уже пришел, но Царство Его еще впереди! На земле, «в мире сем», мы можем только предвкушать славу и радость Царства Небесного; однако в Церкви мы покидаем мир сей и духовно встречаемся со Христом за Его трапезой, созерцая в тайниках сво-

его сердца Его нетварный свет и славу. Это предвкушение, однако, дается нам для того, чтобы мы, возлюбив Царство Божие, чаяли совершеннейшего общения с Богом в грядущем «невечернем дне». И каждый раз, как бы в предварение вкусив «мира и радости Царства Небесного», мы возвращаемся в земную жизнь, и опять перед нами длинный, узкий и трудный путь. Из праздника мы возвращаемся в жизнь Поста, в жизнь приготовления и ожидания. Мы чаем вечера этой земной жизни, когда мы сделаемся участниками «света тихого, святой славы бессмертного Отца Небесного» — *начала*, которому не будет конца.

4. ПОРЯДОК СЛУЖБЫ

В первохристианской Церкви, когда верующих было еще немного и вера их была засвидетельствована и испытана, существовал обычай раздавать после воскресной Литургии Святые Дары верующим, для того, чтобы, унося их к себе домой, они могли ежедневно причащаться; общая, радостная Евхаристия воскресного дня, таким образом, продолжалась в течение всей жизни. Однако обычай этот прекратился, когда увеличилось число членов Церкви, когда христианство распространилось и неизбежно понизился уровень духовно-напряженной жизни, которой отличались первые христиане, и церковным властям пришлось принять меры в предостережение возможного злоупотребления Святыми Дарами. На Западе это повело к причащению за ежедневной литургией; это отличительная черта западной литургической традиции и благочестия, но одновременно и причина значительной перемены в самом понимании Евхаристии, переставшей быть праздничной, праздником Церкви, и ставшей неотъемлемой частью дневного круга богослужения; таким образом были созданы так называемые частные мессы, которые в свою очередь все больше и больше изменяли все другие части богослужения. На Востоке, наоборот, основное эсхатологическое, радостное понимание Евхаристии, устремленное к Царству Небесному, никогда не изменялось; и даже в настоящее время Божественная Литургия, по крайней мере в теории, не является одной из служб суточного круга. Совершение Литургии — всегда праздник, и день, когда

она совершается, всегда приобретает духовное значение воскресного дня. Мы уже подчеркивали и еще раз повторим, что этот день несомненно с Постом, и поэтому Евхаристия не совершается в будние дни Великого Поста. Таким образом, когда ежедневное домашнее причащение было прекращено, его не заменили на Востоке ежедневным совершением Евхаристии, а возник новый вид причащения — Святыми Дарами, освященными в воскресенье, за праздничным совершением Литургии. Очень возможно, что Литургию Преждеосвященных Даров служили не только Великим Постом, но и в течение других постов церковного года. Но так как число праздников, больших и малых, увеличивалось, Евхаристию стали совершать гораздо чаще, Литургия Преждеосвященных Даров стала характерным отличием одного Великого Поста, и мало-помалу, под влиянием великопостного богослужебного духа, той «светлой печали», о которой мы уже говорили, она приобрела ту единственную красоту и торжественность, что составляют духовную вершину великопостного богослужения.

Богослужение начинается с Великой Вечерни, но первый возглас священника тот же, что и на Литургии: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа»; таким образом, все богослужение обращено к надежде Царства, оно есть то духовное ожидание, что и определяет собою весь Великий Пост. Затем, как обычно, следует вечерний псалом (103) «Благослови, душе моя, Господа», Великая Ектения и 18-я Кафизма (часть) Псалтири. Эта Кафизма читается каждый день недели Великого Поста. Она состоит из псалмов 119—133, называемых «песнями восхождения». Их пели на ступенях Иерусалимского храма, поднимаясь по ним; это была песнь людей, собиравшихся для молитвы, готовившихся к встрече с Богом: «Возрадовался я, когда сказали мне: пойдем в дом Господень...» (Пс. 121:1) — «Благословите ныне Господа, все роды Господни, стоящие в доме Господнем, во время ночи. Воздвигните руки ваши к святилищу и благословите Господа. Благословит тебя Господь с Сиона; сотворивший небо и землю» (Пс. 133).

Во время чтения этих псалмов священник берет Агнец (Святые Дары), освященный в предыдущее воскресенье, и кладет Его на дискос. Затем, после пе-

ренесения дискоса с престола на жертвенник, он наливает вино в чашу и покрывает Святые Дары, как это обычно делается перед Литургией. Надо отметить, что все это делается молча, без каких-либо молитв священника. Устав подчеркивает эту особенность: все молитвы были уже прочтены за воскресной Литургией.

После малого Входа и пения «Свете Тихий» читаются две указанные на этот день паремии, то есть чтения из Ветхого Завета, взятые из книги Бытия и Притч. Между этими чтениями (паремиями) совершается обряд, напоминающий нам те времена, когда Великий Пост был главным образом посвящен приготовлению оглашенных к крещению. Во время чтения первой паремии из книги Бытия священник ставит зажженную свечу на Евангелие, лежащее на Престоле; по окончании чтения священник берет свечу и кадило и благословляет молящихся, возглашая: «Свет Христов просвещает всех!» Свеча — символ Христа, Света мира. То, что свечу ставят на Евангелие во время чтения Ветхого Завета, означает, что все пророчества совершились во Христе, который просветил своих учеников, чтобы «они могли разуметь писания». Ветхий Завет ведет к Христу, так же, как Великий Пост ведет к просвещению крещаемых. Свет Крещения, соединяющий оглашенных с Христом, открывает их разум для понимания учения Христова.

После второго чтения из Ветхого Завета по указаниям устава полагается пение пяти стихов из вечернего псалма (140), начинающегося со стиха: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...». Этот 140-й псалом уже пели перед Входом; каково же значение пения тех же самых стихов во второй раз? Можно полагать, на основании некоторых указаний, что повторное пение этих стихов восходит к самому раннему периоду совершения Литургии Преждеосвященных Даров. Возможно, что в те времена, когда эта Литургия еще не приобрела теперешней своей торжественности и состояла просто в причащении за вечерней, эти стихи пели во время причащения. Но теперь они составляют как бы прекрасное покаянное введение ко второй части богослужения, то есть к самой Литургии Преждеосвященных Даров.

Эта вторая часть начинается с Литургии Оглашен-

ных целым рядом особых молитв и прошений о готовящихся к Крещению. В половине Поста, в среду на четвертой неделе, прибавляется еще ектения о «просвещаемых», то есть «уже готовых к просвещению (озарению)». Еще раз подчеркивается основной смысл Великого Поста как приготовления к Крещению.

После удаления оглашенных Литургия верных начинается с двух молитв. В первой мы просим об очищении души, тела и чувств наших:

...око убо да не приобщено будет всякого лукавого зренья, слух же словесем праздным невходен, язык же да очистится от глагол неподобных. Очисти же наши устне, хвалящие Тебе, Господи: руки наша сотвори злых убо отрятися деяний, действовать же точию яже Тебе благоудная, вся наша уды и мысль Твоего утверждая благодатию.

Вторая молитва готовит нас к перенесению Преждеосвященных Даров:

...се бо пречистое Его Тело и животворящая Кровь, в настоящий час входящая, на тайней сей предложиться имут трапезе, от множества воинства небеснаго невидимо дориносимыя. Их же причастие неосужденно нам даруй, да теми мысленное око озаряющее, сынове света и дне будем.

...да не приобщатся глаза наши ко всякому лукавому зрению, и слух наш закроется к словам праздным. Очисти наши уста, хвалящие Тебя, Господи: да воздержатся руки наши от злых дел, чтобы исполнять дела только благоудные Тебе, укрепляя и утверждая все члены и мысль нашу Твоей благодатью.

...Ибо вот Пречистое Его Тело и животворящая Кровь, в настоящий час входящие, будут предложены на этой тайной трапезе, невидимо переносимые множеством небесных воинств. Даруй нам неосужденно причаститься им, да просветится ими мысленное око наше, и мы станем сыновьями света и дня.

Затем наступает торжественный момент перенесения святых Даров на престол. Внешне этот Вход похож

на Великий Вход за Литургией, но по существу и духовному значению он, конечно, совершенно иной. В полном евхаристическом богослужении Великий Вход есть перенесение (приношение) еще не освященных Даров: Церковь приносит себя, свою жизнь, жизнь своих членов и все творение Божие в жертву Богу, включая эту жертву в единую и совершенную жертву Самого Христа. Вспоминая Христа, Церковь вспоминает всех тех, кого Он воспринял для их искупления и спасения. За Литургией Преждеосвященных Даров нет ни предложения, ни жертвы, ни Евхаристии, ни освящения, но нам открывается и становится явной тайна присутствия Самого Христа!

Здесь надо отметить, что православное богослужбное предание не знает поклонения Святым Дарам, кроме как во время Причастия: это существенное отличие от латинской Церкви. Но в православной Церкви, конечно, практикуется сохранение *запасных* Святых Даров для причащения больных и для других исключительных случаев. Мы уже говорили о том, что в первые времена в христианской Церкви существовал обычай частного самопричащения на дому. У нас, таким образом, существует постоянное *присутствие* Святых Даров и *отсутствие* поклонения им. Сохраняя одновременно оба положения, Православная Церковь избежала западного опасного сакраментального рационализма. Желая подтвердить — против протестантов — объективное, реальное присутствие Христа в Святых Дарах, католики на самом деле отделили поклонение Святым Дарам от Причастия. Этим они открыли дверь опасному духовному уклонению от настоящего назначения Евхаристии и даже самой Церкви. Потому что цель Церкви и Таинств не сакрализация части материи, противопоставляемой таким образом в качестве святой и священной всему остальному как профанному и нечистому. Наоборот, цель Православной Церкви в том, чтобы человек в своей жизни был постоянно в общении с Богом, познавал Бога, восходил к Царству Божию; евхаристические Дары — *средство* этого общения, пища этой новой жизни, но не конечная цель. Потому что Царствие Божие — «не пища и питье, но радость и мир в Духе Святом». Пища в человеческой жизни исполняет свою функцию, только когда она съедена и превращена в

жизнь; точно так же новая жизнь будущего мира дается нам через причащение «пищи бессмертия». Православная Церковь постоянно избегает всякого поклонения Святым Дарам вне Таинства Причастия, потому что единственное настоящее поклонение — когда мы, приобщаясь Тела и Крови Христовых, поступаем «в мире сем, как Он».

Протестанты, со своей стороны, боясь всякого магического истолкования таинств, стремятся «одухотворить» Святые Дары до такой степени, что отрицают присутствие в них Тела и Крови Христовых вне самого момента Причастия. В Православной Церкви, однако, запасные Дары хранятся для причащения больных; и этим опять восстанавливается равновесие. Святые Дары даются для причащения, но реальность Причастия зависит от реальности Святых Даров. Церковь не впадает в рассуждения о том, каким образом Христос присутствует в Святых Дарах, но она запрещает употреблять их для чего-либо другого, кроме Причастия. Она, так сказать, не обнаруживает их присутствия вне Причастия, но она твердо верит, что так же, как Царствие Божие, которое должно еще придти и в то же время «уже среди нас», как Христос вознесся на небеса и сидит одесную Отца и в то же время с нами до скончания века, — так же и *пища бессмертия* всегда присутствует в Церкви.

Это богословское примечание вновь отсылает нас к Литургии Преждеосвященных Даров и к явлению уже освященных Даров как к ее вершине. Этот Великий Вход произошел от необходимости перенесения преждеосвященных Даров, которые раньше были не на престоле, а сохранялись в каком-нибудь особом месте, иногда даже не в храме. Перенесение это естественно требует большой торжественности, потому что в богослужении оно символически изображает явление Христа и завершение Поста, молитвы и ожидания, приближение той помощи, утешения, радости, которых мы ждали.

Ныне силы небесные с нами невидимо служат, се бо входит Царь Славы. Се Жертва Тайная, совершенна, дориносится. Ве-

Ныне силы небесные с нами невидимо служат, потому что вот входит Царь Славы. Вот Жертва Тайная, уже освященная, пе-

рою и любовью приступим, да причастники жизни вечныя будем. Аллилуа, аллилуа, аллилуа.

реносится. С верою и любовью приступим, чтобы быть участниками жизни вечной. Аллилуа, аллилуа, аллилуа.

Святые Дары теперь перенесены на престол, а мы, готовясь к Причастию, просим:

...освяти всех нас души и телеса освящением неотъемлемым: да чистою совестию, непосрамленным, лицом, просвещенным сердцем божественных сих причащаюся святынь и от них оживотворяеми, соединимся самому Христу Твоему... рекшему: ядый плоть Мою и пияй Кровь Мою, во мне пребывает и Аз в нем... да будем Храм Пресвятого и поклоняемого Твоего Духа, избавлени всякия диавольская козни... и получим обетованная нам блага со всеми святыми Твоими...

...освяти души и телеса всех нас освящением неотъемлемым: чтобы чистою совестию, непосрамленным лицом, просвещенным сердцем причастившись Святых Даров и получивши от них жизнь, мы соединились бы с самим Христом Твоим... сказавшим: «Тот, кто ест плоть Мою и пьет кровь Мою, во мне пребывает, и Я в нем»... да будем мы Храмом Пресвятого и поклоняемого Твоего Духа, да будем мы избавлены всяких дьявольских козней... и получим обещанные нам блага со всеми святыми Твоими...

За этим следует Молитва Господня, завершающая всегда наше приготовление к Причастию: произнося ее, молитву Самого Христа, мы тем самым принимаем дух Христов, как свой собственный, Его молитву к Отцу, как нашу, Его волю, Его желание, Его жизнь, как наши собственные.

Начинается Причастие под пение причастного стиха: «Вкусите и видите, яко благ Господь (как добр Господь)!»

Богослужение заканчивается, и священник возглашает: «С миром изыдем!» (приглашает нас расходиться в мире). Последняя («Заамвонная») молитва подво-

дит итог значению этого богослужения, этого вечернего Причастия по отношению ко всему нашему постному подвигу.

Владыко Вседержителю, Иже вся тварь премудростию соделавый и неизреченным Твоим промыслом и многою благодатию, введый нас в пречестныя дни сия, ко очищению душам и телом, к воздержанию страстей, к надежде воскресения: Иже четырехдесятью днями скрижали вручив, богоначертанная письмена, угоднику Твоему Моисею, подаждь и нам, Блаже, подвигом добрым подвизатися, течение поста совершити, веру нераздельну соблюсти, главы невидимых змиев сокрушити, победителем же греха явиться, и неосужденно достигнути поклониться и святому воскресению...

Теперь за стенами храма темно, и ночь, в которую нам предстоит выйти, в которой нам придется жить, бороться, терпеть, может еще быть долго. Но теперь ее озаряет свет, который мы видели. Царство, присутствие которого как будто ничего еще не выявило на этом свете, было дано нам «втайне»; мы знаем, что радость и мир Царства сопровождают нас, готовящихся продолжать «течение Поста».

Владыко Вседержителю, Который все творение создал премудро и несказанным Твоим промыслом и великой благодатью ввел нас в эти пресвятыя дни для очищения души и тела, для воздержания от страстей, в надежде воскресения; Ты, Который угоднику Твоему Моисею вручил скрижали, Богом написанные в течение сорока дней,— дай и нам, о Благой, подвизаться добрым подвигом, соблюсти Пост в течение всего его времени, сохранить ненарушимую веру, сокрушить головы невидимых змей, явиться победителями греха и неосужденно достигнуть поклониться и святому Воскресению...

Глава 4

ПОСТНОЕ СТРАНСТВИЕ

1. НАЧАЛО: ВЕЛИКИЙ КАНОН

Теперь нам надо вернуться к идее и опыту Великого Поста как духовного странствия, цель которого — перенести нас из одного духовного состояния в другое. Как мы уже сказали, большинство современных христиан не понимает этой цели Великого Поста и видит в нем только тот период года, когда они должны исполнить свои религиозные обязанности, причаститься (один раз в год!) и подчиниться некоторым ограничениям в пище, которые скоро будут возмещены полным «разрешением» Поста в пасхальные дни. И благодаря тому, что не только светские люди, но и многие священники восприняли это простое и формальное понимание Великого Поста, его истинный дух почти исчез из жизни. Восстановление богослужебного и духовного значения Великого Поста — одна из важнейших и насущных задач наших, но восстановление это возможно только на основе подлинного понимания богослужебного ритма и строя великопостного богослужения.

В самом начале Великого Поста, как тот исходный тон, которым определяется вся великопостная мелодия, мы находим великий покаянный канон святого Андрея Критского. Он разделен на четыре части и читается за Великим Повечерием, вечером, в первые четыре дня Поста. Его можно описать как покаянный плач, раскрывающий нам всю необъятность, всю бездну греха, потрясающий душу отчаянием, раскаянием и надеждой. С исключительным искусством святой Андрей переплетает великие библейские образы — Адама и Еву, рай и грехопадение, патриарха Ноя и Потоп, Давида, Обетованную Землю и выше всего Христа и Церковь — с исповеданием грехов и раская-

нием. События священной истории явлены как события *моей* жизни, дела Божии в прошлом как дела, касающиеся *меня* и *моего* спасения, трагедия греха и измены, как *моя* личная трагедия. Моя жизнь показана мне как часть той великой, всеобъемлющей борьбы между Богом и силами тьмы, которые восстают на Него.

Канон начинается с глубоко личного вопля:

Откуда начну плакать окаянного моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынеш- нему рыданию?	С чего начну я оплаки- вать окаянные дела мо- ей жизни? Какое начало положу я, Христос, ны- нешнему рыданию?
---	--

Один за другим раскрываются мои грехи в глубокой связи их со все продолжающейся трагедией отношений человека к Богу; история первого грехопадения — это моя личная история:

Первозданного Адама преступлению поревно- вав; познах себе обна- жена от Бога, и присно- сущного Царствия и сла- дости, грех ради моих...	Я совершил преступле- ние первозданного Ада- ма; я знаю, что я отреш- шен от Бога и вечного Его Царства и сладости из-за моих грехов...
--	--

Я потерял все божественные дары:

Оскверних плоти моя ризу, и окалях еже по образу, Спасе, и по по- добию. Омрачих душев- ную красоту страстей сластями, раздрах ныне одежду мою первую, юже ми истка Зиждитель из начала, и оттуда лежу наг...	Я осквернил одежду мо- ей плоти, осквернил то, что было, Спасе, по обра- зу и по подобию. Я ом- рачил душевную красоту наслаждениями страстей. Ныне я разодрал первую мою одежду, которую мне в начале соткал Зиждитель, и поэтому я наг...
--	---

Итак, в течение четырех вечеров девять песен Канона говорят снова и снова о духовной истории мира, которая в то же время — история и моей души. Слова

Канона призывают меня к ответу, ибо говорят они о событиях и делах прошлого, смысл и сила которых вечны, поскольку каждая человеческая душа — единственная и неповторимая — проходит тем же путем испытаний, стоит перед тем же выбором, встречается с той же высшей и важнейшей реальностью. Примеры из Священного Писания не просто аллегории, как думают многие люди, считающие поэтому, что Великий Канон чересчур перегружен именами и происшествиями, не относящимися к ним. Такие люди спрашивают, зачем говорить о Каине и Авеле, о Соломоне и Давиде, когда проще было бы сказать: «Я согрешил». Они не понимают, что самое понятие слова *грех* в библейском и христианском предании имеет глубину и насыщенность, которых современный человек просто не в силах понять, и что поэтому исповедание им своих грехов глубоко отлично от настоящего христианского раскаяния. Действительно, та культура, в которой мы живем и которая образует наши современные взгляды, в сущности, просто исключает понятие греха. Потому что грех — это прежде всего падение человека с неизмеримой духовной высоты, отказ его от своего высокого призвания. Но какое значение это может иметь для культуры, которая не знает и отрицает эту духовную высоту, это призвание и оценивает человека не «сверху», а «снизу», для культуры, которая если и не отрицает открыто Бога, то фактически вся, сверху донизу, материалистическая и потому рассматривает жизнь человека только с точки зрения материального благополучия, не признавая его высокого, трансцендентального призвания? В ней грех рассматривается главным образом как естественная слабость, происходящая в основе от социального неустойства и поэтому исправляемая лучшей социальной и экономической организацией. Поэтому современный человек, если он и исповедует свои грехи, уже *не раскаивается* в них. В зависимости от того или иного понимания им своих религиозных обязанностей он либо формально перечисляет свои прегрешения и нарушения обрядовых правил, либо же говорит с духовником о своих проблемах, ожидая от религии своего рода терапии, лечения, которое вернет ему счастье и спокойствие. Ни в том, ни в другом случае мы не видим раскаяния, потрясения человека, который, узрев себя как

образ неизреченной славы, сознает, что он изменил этому образу, запятнал и отверг его своей жизнью; нет раскаяния как печали о грехе, исходящей из самой глубины человеческого сознания, как желания вернуться, как отдачи себя Божьему милосердию и любви. Вот почему недостаточно просто сказать: «Я согрешил». Эти слова приобретают свое подлинное значение и действенность только тогда, когда грех воспринят и пережит во всей его глубине и горести.

Значение и цель Великого Канона именно в том и состоят, чтобы *явить* нам грех и тем самым привести нас к раскаянию. Но он являет нам грех не определениями и перечислениями, а неким глубоким созерцанием библейской истории, которая поистине есть история греха, покаяния и прощения. Это созерцание вводит нас в совершенно иную духовную культуру, призывает нас принять совершенно иное понимание человека, его жизни, его целей, его духовных мотиваций. Канон восстанавливает в нас то духовное мироощущение, внутри которого раскаяние становится снова возможным. Когда мы слышим, например:

Авелева, Иисусе, не уподобился правде, дара Тебе приятна не принесох когда, ни деяния божественна, ни жертвы чистыя, ни жития непорочного...

Я не уподобился, Иисусе, Авелевой правде, никогда не принес Тебе приятного дара, ни дел божественных, ни жертвы чистой, ни безгрешной жизни...

— мы понимаем, что история первого жертвоприношения, так кратко упоминаемая в Библии, открывает нам нечто основное и в нашей собственной жизни, основное в самом человеке. Мы понимаем, что грех прежде всего есть отказ от жизни как приношения и дара, как жертвы Богу, или, другими словами, — отказ от жизни для Бога и по-Божьему. Мы понимаем, что корень греха — это отклонение нашей любви от высочайшего ее объекта. И благодаря этому откровению становится возможным произнести слова, бесконечно отдаленные от современного опыта жизни, но которые звучат глубочайшей правдой:

Брание здатель живосоздав, вложил еси мне плоть и кости, и дыхание и жизнь: но, о Творче мой, Избавителю мой и Судия, кающаяся приими мя.

Из праха создав жизнь, Ты вложил в мою плоть и кости, и дыхание, и жизнь: но, о Создатель мой, Избавитель мой и Судия, прими меня, кающегося.

Для того, чтобы по-настоящему услышать Великий Канон, требуется, конечно, знание Библии и способность усваивать значение библейских образов. Если в наши дни столь многие находят его скучным и не относящимся к нашей жизни, это происходит оттого, что вера их не питается из источника Священного Писания, которое для Отцов Церкви было *именно источником* их веры. Мы должны вновь научиться воспринимать мир таким, каким он открывается нам в Библии, научиться жить в этом библейском мире; и нет лучшего способа научиться этому, как именно через церковное богослужение, которое не только передает нам библейское учение, но и открывает нам библейский образ жизни.

Вот почему постный путь начинается с возврата к исходной точке, к Творению мира, Грехопадению, Искуплению, к тому миру, где все говорит о Боге, все отражает Божью славу, где все, что происходит, все события непосредственно связаны с Богом, где человек находит настоящие измерения своей жизни, и, найдя их, *кается*.

2. ВЕЛИКОПОСТНЫЕ СУББОТЫ

Отцы Церкви часто сравнивали Великий Пост с сорокалетним странствованием избранного народа по пустыне. Из Библии мы знаем, что для того, чтобы народ Его не впадал в отчаяние, а также для того, чтобы открыть ему главную и высшую Свою цель, в течение этого сорокалетнего странствования Господь совершил многие чудеса. По аналогии с этим странствием строят Святые Отцы и свое объяснение сорокадневного Поста.

Его конечная цель — Пасха, обетованная земля Царствия Божия. Однако и в конце каждой недели Великого Поста происходит как бы некая передыш-

ка, некое предвкушение этой цели. Это два дня — суббота и воскресенье, когда совершается Евхаристия; эти дни на духовном пути поста имеют особое значение.

Начнем с субботы. Ее особое положение в церковном уставе, а также исключение ее из великопостного типа богослужения, требуют объяснения. Стойки зрения рубрик, о которых мы говорили выше, суббота не есть *постный* день, а день *праздника*, установленного Самим Богом: «И благословил Бог седьмой день и освятил его, потому что в этот день Он отдохнул от всех дел Своих» (Бытия 2, 3). Никто не может изменить или упразднить повеление Господне. Правда, многие христиане думают, что божественное установление субботы было просто перенесено на воскресенье, которое, таким образом, стало христианским днем отдыха и покоя. Ничто в Священном Писании или Священном Предании не подтверждает этого. Наоборот, у Святых Отцов и во всем раннем Предании воскресенье называется *первым* или *восьмым* днем, и таким образом подчеркивается его особенность и известная противоположность его по отношению к субботе, которая навсегда остается *седьмым* днем, благословенным и освященным Богом. Это тот день, когда было засвидетельствовано, что мир сотворен «добро зело» (очень хорошо), и таково его значение во всем Ветхом Завете, значение, которое сохранялось при Самом Христе и в Церкви. Это значит, что, несмотря на грех и падение, мир остался *добрым* Божиим творением; он сохранил то существенное *добро*, о котором возрадовался Господь: «И увидел Бог все, что Он создал; и вот, очень хорошо».

Поэтому хранить субботу с самого начала означало, что жизнь *может быть* полной смысла, счастливой, творческой; жизнь может быть такою, какой Бог хотел, чтобы она была. И суббота, день отдыха, когда мы радуемся о плодах своих трудов, навсегда хранит благословение Божие, почивающее на мире и на делах его. Но эта преемственность христианского понимания субботы от ветхозаветного не только не исключает, а, наоборот, подразумевает и различие между ними. Во Христе ничто не остается неизменным, ибо в Нем все исполнено, все ограничения преодолены, все наполнено новым смыслом. Если суббота, в своем

высшем духовном смысле, являет присутствие Божественного «добро зело» в самой ткани мира сего, то именно мир сей Христос явил в новом свете и претворил в нечто новое. Христос даровал человеку Царство Небесное, которое «не от мира сего». В этом и есть высший просвет, благодаря которому для христианина все делается новым. Все добро мира сего и всего, что в нем, отнесено теперь к исполнению в Царстве Божием, в Царстве будущего века, которое явится во всей своей славе только после конца мира сего. Больше того, этот мир, отвергнувший Христа, показал, что он во власти «князя мира сего», что «весь мир во зле лежит» (1 Иоанн 5, 19) и что путь ко спасению для него не через эволюцию, усовершенствования, прогресс, а через Крест, Смерть и Воскресение. «То, что ты сеешь, не оживет, если не умрет» (1 Кор. 15, 36). Таким образом, христианин живет двойной жизнью, не в том смысле, что он совмещает свою религиозную и мирскую деятельность, но в том, что вся жизнь его становится предвкушением и приготовлением к Царству Божьему, что каждый его поступок призван стать знаком, утверждением и ожиданием того, что еще должно наступить. Таков смысл кажущегося противоречия в Евангелии: Царство Божие — «посреди нас» и Царство Божие еще должно прийти. Ибо тому, кто не познал Царства «посреди» жизни, не может открыться оно и как объект любви, ожидания и вожделения, к которым призывает нас Евангелие. Можно все еще продолжать верить в наказание или награду после смерти, но никогда нельзя понять радость и силу христианской молитвы: «Да придет Царствие Твое!» — «Ей, гряди Господи Иисусе». Христос *пришел* для того, чтобы мы могли *ждать* Его. Он вошел в жизнь во времени, для того чтобы жизнь и время стали путем к Царствию Божию.

Суббота, день Творения мира, день мира сего, стала — во Христе — днем ожидания, *предшествующим* Дню Господню. Претворение субботы произошло в ту Великую и Святую Субботу, когда Господь, «исполнив все дела Свои», почил (уснул) во гробе. На следующий день, «первый день после Субботы», Жизнь воссияла из животворящего гроба, мироносицам было сказано: «Радуйтесь!», ученики «от радости еще не верили и дивились» (Лука 24, 41), и начался первый

день Нового Творения. В этом новом дне Церковь участвует и вступает в него в воскресенье. Но она все еще живет и странствует в мире сем, который в своей мистической глубине стал субботой; потому что, как говорит святой апостол Павел: «Вы умерли, и жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге; когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе» (Кол. 3, 34).

Все это объясняет единственное в своем роде место субботы — седьмого дня — в богослужебном предании: ее двойной смысл, как *праздника* и как *дня смерти*. Это праздник, потому что в мире сем, в его времени, Христос победил смерть и открыл вход в Свое Царство, потому что Его Воплощение, Смерть и Воскресение являются завершением Творения, которому Бог радовался вначале. Но это и день смерти, потому что в смерти Христовой мир умер, и его спасение, завершение, преобразование уже за пределами смерти в будущем веке. Богослужебное значение всех суббот годового круга связано с двумя всерешающими субботах: Воскрешение Лазаря, которое произошло в этом мире и было возвещением и «уверением» общего воскресения; и Великая и Святая Суббота Пасхи, когда смерть сама была побеждена и стала переходом в Новую Жизнь Нового Творения.

В течение Великого Поста это значение суббот выявляется особенно ярко, так как цель Поста — именно восстановить христианское значение времени как приготовления и странничества: «...прошу вас, как пришельцев и странников, удаляться от плотских похотей, восстающих на душу» (1 Петра. 2, 11). Эти субботы связывают великопостный подвиг с будущим исполнением и, таким образом, придают Посту его особый, духовный ритм. С одной стороны, великопостная суббота есть евхаристический день, отмеченный совершением Божественной Литургии Иоанна Златоуста, — а Евхаристия всегда означает праздник. Однако особый характер этого праздника состоит в отнесенности к Великому Посту как странствию, терпению и подвигу. Это как бы передышка, задача которой — заставить нас задуматься над конечной целью этого паломничества. На это особенно ясно указывает порядок чтений из посланий апостольских, выбранных для великопостных суббот, из Послания к Евреям,

центральная тема которого есть путь спасения, странствования, обещания, веры в грядущее.

В первую субботу мы слышим величественное вступление Послания (Евр. 1, 1—12) с торжественным утверждением Творения мира, Искупления и вечного Царства Божия:

Многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророках, в последок дний сих глагола нам в Сыне, Егоже положи наследника всем, Имже и веки сотвори... Ты же тойжде еси, и лета Твоя не оскудеют.

Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни говорил нам в Сыне, Которого поставил наследником всего, через Которого и веки сотворил... Ты тот же, и лета Твои не кончатся.

Мы живем в эти «последние дни» — дни высшего подвига. Во времени мы все еще в сегодня, но конец приближается.

В субботу второй недели Поста читается (Евр. 3, 12—14):

Блюдайте, братия, да не когда будет в некоем от вас сердце лукаво исполнено неверия во еже отступите от Бога жива. Но утешайте себя на всяк день, дондеже *днесь* нарицается... причащайтесь бо быхом Христу, аще точию начаток состава даже до конца удержим.

Смотрите, братья, чтобы не было в ком из вас сердца лукавого и неверного, дабы вам не отступить от Бога живого. Но ставляйте друг друга каждый день, доколе можно говорить «*ныне*»... ибо мы сделались причащниками Христу, если только начатую жизнь твердо сохраним до конца.

Борьба трудна. Ценой страданий и искушений мы достигаем «обладания лучшим и навеки пребывающим». Поэтому поучение третьей субботы побуждает нас (Евр. 10, 35—38):

...не отлагать убо дерзновения нашего еже

...не оставлять упования нашего, которому

имать мздовоздаяние не елико. Терпения бо имате потребу, да волю Божию сотворше, примите обетование: еще бо мало елико елико, грядый придет и не укоснит.

предстоит великое воздаяние. Терпение нужно вам, чтобы, исполнивши волю Божию, получить обещанное: ибо еще немного, очень немного и Грядущий придет и не умедлит.

Для этой борьбы мы должны вооружаться верой, надеждой и любовью, как утверждает чтение послания (Евр. 6,10—12) в четвертую субботу:

Не обидлив бо Бог, забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его послуживше святым и служаше. Желаем же, да кийждо вас являет тожде тщание во извещению упования даже до конца, да не лениви будете, но подражатели наследствующих обетования верою и долготерпением.

Время сокращается, ожидание становится более напряженным, уверенность — более радостной. Это звучит в чтении послания (Евр. 9,28) пятой субботы:

Христос единою принесется, во еже вознести многих грехи, второе без греха явится, *ждушим его во спасение*

Христос, однажды принеся Себя в жертву, чтобы поднять грехи многих, во второй раз явится не для очищения греха, а для *ожидающих его во спасение*.

Это последнее чтение перед Лазаревой Субботой, когда от времени ожидания мы переходим ко времени исполнения ожидаемого.

Чтения Евангелия для великопостных суббот выбраны из Евангелия от Марка и тоже имеют свою последовательность.

Евангелие первой субботы объясняет нам смысл и значение этой последовательности. Христос опровергает лицемерные запреты еврейских суббот и говорит (Марк 2,27—28):

...Суббота человека ради бысть, а не человек для Субботы. Тем же

...Суббота для человека, а не человек для субботы: посему Сын Человеческий есть господин и субботы.

Наступила новая жизнь, началось воссоздание человека. В субботу второй недели Поста мы слышим, как прокаженный говорит Христу: «Если хочешь, можешь меня очистить...». Христос сказал ему: «Хочу, очистишься» (Марк. 1,40—41).

В третью субботу мы видим, что вопреки всем запретам Христос «ест с мытарями и грешниками» (Марк. 2,14—17).

В четвертую субботу в ответ на «добро зело» творения мира (Бытия, 1) Евангелие радостно восклицает: «...все хорошо делает: и глухих делает слышащими и немых — говорящими» (Марк. 2,14—17).

Наконец, в пятую субботу все завершается решительным исповеданием Петра: «Ты — Христос...» (Марк. 8,29).

Это принятие человеком тайны Христа, тайны Нового Творения.

Великопостные субботы, как мы уже сказали выше, заключают в себе *вторую* тему или измерение: *тему смерти*. За исключением первой субботы, которая по церковной традиции посвящена святому Федору Тирону, и пятой — субботы, акафиста, три остающиеся субботы — дни всеобщего поминовения всех «в надежде воскресения и жизни вечной» усопших в Господе. Это поминовение, как мы уже сказали, готовит и предвозвещает субботу Лазарева Воскресения и Великую и Святую Субботу Страстной недели. Его надо рассматривать не только как акт любви, как доброе дело, но и как откровение мира сего в его смертности и умирании. В мире сем мы обречены на смерть, как

обречен на нее и сам мир. Но во Христе смерть побеждена изнутри, она, как сказал Апостол Павел, потеряла свое жало, стала сама входом в полноту иной жизни, «жизни преизбыточествующей». Для каждого из нас вхождение это началось в нашей крещальной смерти, которая делает мертвыми тех из нас, кто жив («...вы умерли» — Кол. 3,3) и живыми тех из нас, кто был мертв, потому что «смерти больше нет». В народном благочестии глубокое отклонение от подлинного смысла христианской веры сделало смерть опять черной. Это выражается черными (траурными) одеждами на похоронах и панихидах. Мы должны, однако, знать, что для христианина цвет смерти — белый. Молиться за умерших — не означает скорбеть и печалиться, и нигде это лучше не выявляется, как в связи общих поминовений умерших с субботаами вообще, а в особенности с великопостными субботаами. Радостный день Творения стал в грехопадении днем смерти; потому что «тварь покорилась суете» (Римл. 8,20) и стала сама смертью. Но Христова смерть восстанавливает седьмой день, делая его днем нового творения, побеждая и уничтожая то, что превратило этот мир в торжество смерти. И главная цель Великого Поста — это восстановить в нас желание и надежду «откровения сынов Божиих» (Рим. 8,19), этого исполнения христианской веры, любви и надежды. Этой надеждой «мы спасены. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим, тогда ожидаем в терпении...» (Рим. 8,24—25). Значение христианской смерти и нашей молитвы за умерших — это свет Лазаревой Субботы и радостный покой Святой и Великой Субботы.

3. ВОСКРЕСЕНЬЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА

Каждое воскресенье Великого Поста имеет два значения. С одной стороны, каждое из них входит в тот ритм, которым выявляется духовная диалектика Поста. С другой стороны, в течение исторического развития Церкви почти каждое великопостное воскресенье обрело еще и второе значение. Так, в первое воскресенье Церковь празднует *Торжество Православия*, вспоминая победу над иконоборчеством и восстано-

вление почитания икон в 843 г. в Константинополе. Связь этого празднования с Постом чисто историческая: первое Торжество Православия произошло именно в это воскресенье. То же можно сказать о посвящении *второго* воскресенья Поста памяти *святого Григория Паламы*. Осуждение его врагов и оправдание его учения было принято Церковью в XIV столетии как второе Торжество Православия, и поэтому его ежегодному празднованию было посвящено второе воскресенье Великого Поста. Хотя оба эти празднования очень важны, они сами по себе не зависят от Великого Поста как такового, и мы не будем здесь говорить о них отдельно. Память *святого Иоанна Лествичника* в *четвертое* воскресенье Поста и *святой Марии Египетской* в *пятое* воскресенье по существу имеют гораздо больше связи с Великим Постом. В обоих святых Церковь видит не только носителей аскетизма, но и самый совершенный его пример: у святого Иоанна Лествичника в его писаниях, а у святой Марии Египетской в ее жизни. Воспоминание этих святых во второй половине Поста явно должно служить ободрению и вдохновлению верующих в их духовной борьбе в течение всего великопостного подвига. И так как об аскетизме нельзя только вспоминать, но надо применять его на деле, и так как память обоих этих святых затрагивает наш *личный* постный подвиг, мы поговорим об этом отдельно в последней главе.

Первое же и главное значение великопостных воскресений раскрывается в чтениях Апостола и Евангелия. Чтобы понять их порядок, надо еще раз вспомнить первоначальную связь Поста с крещением, то есть смысл Поста как приготовления к крещению. Эти чтения действительно составляли неотъемлемую часть раннего христианского оглашения; они объясняют и как бы подытоживают приготовление оглашенных к пасхальному таинству крещения. Крещение открывает вход в новую жизнь, дарованную Христом. Эта новая жизнь еще только возвещена и обещана оглашенному, и он ожидает и принимает ее верой. Он подобен людям Ветхого Завета, жившим верой в обещанное, исполнения которого сами они не увидели.

Таков смысл *первого* воскресенья. Упомянув всех праведников Ветхого Завета, Апостол Павел заканчивает словами (Евр. 11,24—26, 32—40; 12,2): «И все

сии, свидетельствовавшие в вере, не получили обещанного, потому что Бог предусмотрел о нас нечто лучшее».

Что же это такое? Ответ дается в Евангельском чтении первого воскресенья (Иоанн 1,43—51): «...увидишь больше сего... истинно, истинно говорю вам: отныне будете видеть небо отверстым, и Ангелов Божиих восходящих и нисходящих к Сыну Человеческому».

Это означает: вы, оглашенные, которые верите в Христа, хотите креститься, готовитесь к Пасхе,— вы увидите наступление нового времени, исполнение всех обетований, явление Царства Небесного. Но увидите вы это, только если поверите и раскаетесь, если перемените свое видение жизни, если возжелаете и если примете подвиг.

Об этом нам напоминает чтение Апостола во второе воскресенье (Евр. 1,10; 2,3): «Посему мы должны быть особенно внимательны к слышанному, чтобы не отпасть... как мы избежим (праведного воздаяния), вознерадевши о толиком спасении?»

В евангельском чтении второго воскресенья (Марк 2,1—12) образом этого усилия и желания является расслабленный (парализованный), которого спускают к ногам Христа сквозь крышу дома: «Иисус, видя веру их, говорит расслабленному: чадо! прощаются тебе грехи твои».

В третье воскресенье начинается поклонение Кресту, и мы слышим в евангельском чтении (Марк 8,34; 9,1): «...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою?»

С этого воскресенья в чтении Послания к Евреям начинается раскрываться смысл жертвы, которую принес Христос, той жертвы, которой для каждого из нас открывается вход «во внутреннейшее, за завесу», то есть во святая святых Царствия Божьего (см. третье воскресенье: к Евреям 4,14; 5,6; в четвертое воскресенье: к Евр. 6,13—20; в пятое воскресенье: к Евр. 9,11—14), в то время как в Евангелии от Марка возвещаются вольные страсти (страдания) Христа: «Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его...» (Марк 9,17—31),— и Его Воскресение: «...и в третий день воскреснет» (Марк 10,32—45, пятое воскресенье).

Приготовление к великому таинству, оглашение, заканчивается, и решительный час, когда человек войдет и присоединится к Смерти и Воскресению Христа, приближается.

В наши дни Великий Пост перестал быть временем приготовления оглашенных к крещению, но разве мы, хоть и крещеные и миропомазанные, не являемся ли все еще в некотором смысле оглашенными? И разве не следует нам возвращаться к этому состоянию каждый год? Разве не отпадаем мы опять и опять от того великого таинства, к которому мы были приобщены? Разве не нужно в нашей жизни, которая в сущности есть одно постоянное отпадение от Христа и Его Царства,— это ежегодное возвращение к самым корням нашей христианской веры?

4. ПРЕПОЛОВЕНИЕ (ПОЛОВИНА) ВЕЛИКОГО ПОСТА: КРЕСТ

Третья неделя Великого Поста называется *Крестопоклонной*. За всенощной этого дня, после Великого Славословия, Крест торжественно выносится на середину церкви и остается там всю неделю; после каждой службы совершается особое поклонение Кресту. Надо обратить внимание на то, что о Кресте говорится во всех песнопениях этого воскресенья, но говорится не о страданиях на Кресте, а о победе и радости. Больше того, ирмосы второго воскресного Канона взяты из пасхальной службы «Воскресения день» и весь он является как бы парафразой пасхального Канона.

Смысл всего этого ясен. Мы достигли середины Великого Поста. С одной стороны, физический и духовный подвиг, если он серьезен и последователен, начинает сказываться, чувствуется усталость. Нам нужны помощь и ободрение. С другой стороны, претерпев эту усталость, взойдя на половину горы, мы начинаем видеть конец нашего странствования, и сияние пасхального света становится ярче. Великий Пост — это время нашего самораспинания, опыт, пустой и ограниченный, Христова призыва, который мы слышим в евангельском чтении этого дня: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой, и следуй за Мной» (Марк 8,24). Но мы не можем при-

нять свой крест и следовать за Христом, если не примем Его креста, взятого Им для нашего спасения. Спасает нас Его крест, а не наш. Только Его крест сообщает не только смысл, но и силу нашим крестам. Это и объяснено нам в *Синаксарии* Крестопоклонного воскресения:

«В тот же день в третью неделю Постов мы празднуем поклонение Честному и животворящему кресту — вот по какой причине: во время сорокадневного поста мы как бы распинаем себя... и испытываем некоторую горечь, печаль и уныние, — нам предлагается Животворящий крест, освежающий и ободряющий нас; напоминая нам страдания Христа, он укрепляет и утешает нас... мы подобны тем, которые проходят долгим и трудным путем; утомленные, они видят прекрасное дерево и садятся отдохнуть в тени его листьев; немного отдохнувши, как будто обновленные, они продолжают свой путь; так и теперь, в постное время, среди прискорбного пути подвига, Святые Отцы водрузили Живоносный крест, подающий прохладу и освежающий нас, для того, чтобы мы могли мужественно и легко окончить остающийся путь... Или возьмем другой пример: когда приходит царь, то перед ним сперва появляются его знамена и скипетр, а затем и сам царь идет, радуясь и веселясь о победе, и с ним вместе веселятся и его подчиненные; так же и Господь наш Иисус Христос, который хочет показать свою победу над смертью и явиться во славе дня Воскресения, посылает впереди себя свой скипетр и царское знамя — Животворящий Крест, наполняющий нас радостью и приготавливающий, насколько это нам возможно, встретить Самого Царя и восхвалить Его победу... Все это на неделе среди святой Четыредесятницы, так как святая Четыредесятница подобна горькому источнику проливаемых слез сокрушения, постного подвига и уныния... Но Христос утешает нас, как странствующих по пустыне, до тех пор, когда Он приведет нас к духовному Иерусалиму своим Воскресением... потому что Крест называется и есть Древо Жизни, которое было посажено посреди рая; поэтому и святые Отцы водрузили его среди святого Великого Поста, напоминая одновременно блаженство Адама и то, как он его лишился, напоминая также, что, вкушая от этого Древа, мы больше не умираем, но оживляемся...»

Итак, укрепленные и ободренные, мы вступаем во вторую половину Великого Поста. Еще одна неделя — и в *четвертое* воскресенье мы слышим: «Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и по убиении в третий день воскреснет» (Марк 9,31). Теперь главное ударение, которое ставилось до сих пор на наше раскаяние и подвиг, переносится на события, произошедшие «нас ради человек и нашего ради спасения».

Господи, давай нам предварить дневной день, седмицу святую предсказующую светло, Лазарево от мертвых восстание страшное, сподоби рабы Твоя страхом Твоим преити поприще пощения все совершающая. Время пощения ныне преполовивше, начало Божественного жития яве покажем, и в конец добродетельного жительства достигнути тепле потщимся: яко да примем сладость нестерпимую.

Господи, Ты дал нам предварить сегодняшний день, светло сияющий перед святой седмицей и Лазаревым страшным из мертвых восстанием, сподоби рабов Твоих со страхом Твоим совершить весь остающийся путь Поста. Достигши ныне половины Поста, покажем на деле начало божественного образа жизни; постараясь с усердием окончить наш подвиг, чтобы получить нескончаемое блаженство.

На утрени в среду пятой недели опять читается *Великий Канон Андрея Критского*, но на этот раз целиком. Если в начале Поста этот канон служил как бы дверью, открывающей путь покаяния, теперь, в конце Поста, он звучит как итог покаяния и его завершение. Если в начале Поста мы только слушали Канон, теперь его слова стали нашими словами, нашим плачем, нашей надеждой, а также оценкой нашего постного подвига: что мы действительно сделали за этот Пост? До чего мы дошли на пути покаяния? Потому что теперь все, что касается нас лично, приходит к концу. Теперь мы уже следуем за учениками, «когда были они на пути в Иерусалим, и когда Иисус шел впереди их». И Иисус сказал им: «Вот мы восходим в Иеру-

салим, и Сын Человеческий предан будет первосвященниками и книжниками, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и будут бить Его, и убьют Его; и в третий день воскреснет» (Марк 10,32—45). Это Евангелие *пятого* воскресенья.

Тон великопостных богослужений меняется. Если в первой половине Поста наши усилия были направлены на собственное очищение, теперь нам открывается, что это очищение не есть самоцель, оно должно было ввести нас в созерцание, уразумение и освоение Тайны Креста и Воскресения. Смысл нашего подвига открывается теперь как участие в этой тайне, к которой мы так привыкли, что просто забываем об ее значении. И, следуя за Ним в Иерусалим вместе с учениками, мы «недоумеваем и ужасаемся».

5. НА ПУТИ В ВИФАНИЮ И ИЕРУСАЛИМ

Шестая и последняя неделя Великого Поста называется *Вербной* (неделя Ваий по-славянски). На протяжении шести дней перед Лазаревой Субботой церковное богослужение дает нам как бы следовать за Христом в дни, когда Он сначала возвещает смерть своего друга Лазаря, а затем начинает восхождение в Вифанию и в Иерусалим. Общий тон и тема этой седмицы даются нам на воскресной вечерне.

Шестую от честных постов седмицу усердно начинающе, Господеви предпразднественное пение ваий принесем вернии: грядущему во славе, силою Божества во Иерусалим, умертвити смерть... С усердием начиная шестую неделю Великого Поста, принесем, верующие, предпразднественное пение Господу, идущему в божественной славе и силе в Иерусалим умертвить смерть...

В центре внимания находится *Лазарь* — его болезнь, смерть, горе его родных и то, как Христос все это воспринимает.

В понедельник мы слышим:

Днесь Христу является об одну страну Иордана ходящу, болезнь Лазарева...

Сегодня Христос, ходящий по ту сторону Иордана, провидит болезнь Лазаря...

Во вторник:

Вчера и сегодня Лазарь болен...

В среду:

Днесь Лазарь умерый погребается и рыдания поют его сродницы...

Сегодня погребается умерший Лазарь и рыдают его сродники...

В четверг:

Дводенствует днесь Лазарь умерый...

Сегодня уже два дня, как Лазарь умер...

И наконец в пятницу:

Заутра бо Христос приходит оживити глаголом умершаго брата (Марфы и Марии)...

Завтра Христос придет воскресить из мертвых брата Марфы и Марий...

Таким образом, в течение всей недели мы духовно созерцаем предстоящую встречу Христа со смертью — сперва со смертью его друга Лазаря, а затем и с Его собственной смертью. Приближается час Сына Человеческого, о котором Он так часто говорил и к которому все Его служение на земле было направлено. Мы должны спросить: каково же значение этого созерцания в великопостном богослужении? Как сопряжено оно с нашим великопостным подвигом?

Эти вопросы предполагают еще один вопрос, которого мы должны кратко коснуться. Вспоминая события жизни Спасителя, Церковь часто, если не всегда, заменяет прошедшее время — настоящим. Так, в

день Рождества Христова мы поем: «Дева *днесь* (сегодня)... рождает...»; в Великую Пятницу: «*Днесь* Он (Христос) стоит перед Пилатом...»; в Вербное Воскресенье: «*Днесь* Он приходит в Иерусалим...» Что же означает эта перестановка времени, это богослуженное *сегодня*?

Огромное большинство церковных людей понимают это как риторическую метафору, поэтическое образное выражение. Современный подход к богослужению либо рационалистичен, либо сентиментален. Рационалистический подход сводит смысл богослужения к *идеям*. Корни его в том богословии, которое развилось на Православном Востоке под влиянием западного в послеотеческую эпоху. Для этого рода богословия богослужение — в лучшем случае сырой материал для чисто интеллектуальных определений. То, что в богослужении не может быть определено как интеллектуальная реальность, называется поэзией, то есть чем-то, что не должно приниматься всерьез. А так как ясно, что события, воспоминаемые Церковью, относятся к прошлому, то богослужбному *сегодня* не придается серьезного значения.

Сентиментальный подход является результатом индивидуального эгоцентричного благочестия, которое во многих отношениях служит противовесом интеллектуальному богословию. Для такого рода благочестия богослужение служит полезной рамкой для личной молитвы, вдохновляющим фоном, цель которого — согреть наше сердце и направить его к Богу. Содержание и значение служб, богослужбные тексты, обряды и действия здесь имеют второстепенную важность; они полезны и соответствуют своему назначению, поскольку они заставляют меня молиться! Таким образом, богослужбное *сегодня* растворяется здесь, как и все другие богослужбные тексты, в какой-то недифференцированной, благочестиво вдохновленной молитве.

Из-за долгой поляризации нашего церковного сознания между этими двумя подходами очень трудно показать, что настоящее богослужение *не может* сводиться ни к одному из этих подходов — ни к идеям, ни к личной молитве. Нельзя прославлять идеи! А про личную молитву разве не сказано в Евангелии: «...когда молишься, войди в комнату свою и, затво-

рив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне...» (Матф. 6,6). Самое понятие богослужбного воспоминания подразумевает одновременно и определенное событие, и нашу общую, соборную реакцию на него. Совершение богослужения возможно, только если люди собираются вместе и, побеждая свое естественное разъединение и обособленность, реагируют, как одно тело, как единая личность, на какое-либо событие (приход весны, свадьбу, похороны, победу и т. п.). Естественное чудо всякого празднования заключается именно в том, что оно преодолевает, трансцендирует, хотя бы на время, как просто идеи, так и индивидуализм. Действительно, во время богослужения забываешь самого себя и соединяешься с другими особенным, только этому единству присущим образом. Каково же в свете сказанного значение богослужбного *ныне* (сегодня), которым Церковь вводит нас во все события? В каком смысле события прошлого воспоминаются *ныне*?

Без преувеличения можно сказать, что вся жизнь Церкви составляет одно непрерывное поминовение и воспоминание. В конце каждой службы мы перечисляем имена святых, «память которых мы совершаем». Прежде же всего сама Церковь есть *воспоминание Христа*. С чисто естественной точки зрения память — способность двузначная. Вспоминать кого-нибудь, кого мы любили и кого больше нет, означает две вещи. С одной стороны, память — это гораздо больше, чем просто знание того, что было. Когда я вспоминаю моего отца, я вижу его; в моей памяти он сохраняется не как все то, что я о нем знаю, но как живая реальность. В то же время эта самая реальность заставляет меня так остро чувствовать, что его больше нет, что никогда больше на этом свете, в этой жизни я не коснусь этой руки, которую я так ясно вижу в своей памяти. Таким образом, память — самая удивительная и в то же время самая трагическая из всех человеческих способностей, так как ничто так не показывает нам ушербленную природу нашей жизни, невозможность для человека что-либо действительно хранить, чем-нибудь действительно обладать на этом свете. Память являет нам, что «смерть и время царят на земле». Однако именно потому, что память присуща только человеку, христианство в нем имеет свою

основу, ибо в сердцевице его — память об одном Человеке, об одном событии, об одной ночи, в глубине и тьме которой нам было сказано: «Сие творите в Мое воспоминание». И вот происходит чудо! Мы вспоминаем Его, и Он здесь не как туманный образ прошлого, не как грустное «никогда больше», но с такой силой присутствия, что Церковь может вечно повторять то, что сказали ученики после Его явления в Еммаусе: «...не горело ли в нас сердце наше?» (Лука 24,32).

Природная память есть прежде всего «присутствие отсутствия», ибо, чем более тот, кого мы вспоминаем, «присутствует», тем острее боль его отсутствия. Но во Христе память вновь получила силу исцелять время, разорванное грехом, смертью, ненавистью и забывчивостью. И сердцем этого богослужебного празднования, этого богослужебного *сегодня* является именно эта новая память, имеющая *власть* над временем, и она стоит в центре богослужебного празднования литургического *днесь*. О, конечно, святая Дева не рождает Младенца сегодня, никто фактически не стоит перед Пилатом; и как факт события эти принадлежат прошлому. Но *сегодня* мы творим память этих фактов, Церковь и есть прежде всего дар и сила этого воспоминания, которое претворяет факты прошлого в вечно знаменательные *события*.

Богослужебное празднование, таким образом, вновь вводит Церковь в событие, и это значит — не только в идею события, но в его радость и печаль, в его живую, конкретную реальность. Одно — знать, что, когда распятый Христос возгласил: «Боже мой, Боже мой, для чего (вскую) Ты Меня оставил?» — Он проявил Свой *kenosis*, свое смирение. Но совсем другое, когда мы ежегодно в единственную из всех Пятиц вспоминаем эти слова и, не умствуя, с полной уверенностью знаем, что, произнесенные однажды, они вечно остаются действенными, так что никакая победа и слава, никакой «синтезис» никогда не изгладят их. Одно — объяснять, что воскресение Лазаря было «уверением», то есть удостоверением общего воскресения. Но совсем другое — творить память день за днем, на протяжении целой недели, этого постепенного приближения встречи жизни и смерти, становиться частью его, видеть собственными глазами, чувствовать всем сво-

им существом то, что передают нам слова апостола Иоанна: «Иисус... восскорбел духом и... прослезился» (Иоанн 11,33—35). Для нас все это случается *сегодня*. Мы не были тогда в Вифании, у гроба, вместе с плачущими сестрами. Мы только знаем *об* этом из Евангелия. Но *сегодня* в церковном богослужении этот исторический факт стал *событием* для нас, для меня, силой в моей жизни, памятью, радостью. Богословие не может идти дальше идеи, мысли. И с точки зрения идеи, смысла зачем нужны эти долгие пять дней, когда так просто сказать только: «Чтобы подтвердить общее воскресение»? Но в том-то и дело, что сама по себе эта фраза ничего не подтверждает. Действительное *подтверждение* исходит из богослужения этих пяти дней, когда мы, как свидетели, присутствуем при смертельной схватке жизни и смерти и начинаем не столько понимать, сколько соучаствовать и видеть, как Христос побеждает смерть.

Воскрешение Лазаря, изумительное празднование этой единственной субботы, уже вне Великого Поста. В пятницу, накануне, мы поем: «Душеполезную совершив четыредесятницу...» («Закончив полезный для души сорокадневный пост...»). В богослужебных терминах Лазарева суббота и Вербное воскресенье суть уже «предназначение Креста». Последняя неделя Великого Поста есть, в сущности, непрерывное предпразднество этих дней, и потому — последнее откровение значения Великого Поста. В самом начале этой книги мы сказали, что Великий Пост — это приготовление к Пасхе; однако, на самом деле в нашей обычной и ставшей уже привычной жизни это приготовление остается номинальным, отвлеченным. Великий Пост и Пасха стоят как бы рядом, каждый на своем месте, но без настоящего понимания их связи между собою и зависимости друг от друга. Даже если Великий Пост не рассматривается всего лишь как время исполнения ежегодных обязанностей исповеди и причастия — раз в год! — его все-таки почти всегда воспринимают как индивидуальный, на себя обращенный личный подвиг. Другими словами, что действительно отсутствует в обычном опыте Великого Поста — это именно физическое и духовное усилие, направленное на наше участие в *сегодня* Христова Воскресения, направленное, иными словами, не на от-

влеченную мораль, не на стремление к личному исправлению или обузданию страстей и даже не на личное самосовершенствование, но на участие в высшем и всеобъемлющем *сегодня* Христа. Христианская духовность, не направленная к этой цели, рискует стать псевдохристианской, потому что в конечном счете она обращена на себя, а не на Христа. Опасность здесь состоит в том, что когда храма сердца очищена, убрана, освобождена от нечистого духа, жившего в ней, она остается пуста, и нечистый дух возвращается, взяв «с собой семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого» (Лука 11,26). В этом мире все, даже духовность, может быть от дьявола. Поэтому так важно восстановить значение и нарастание Великого Поста как подлинного приготовления к великому *сегодня* Пасхи. Теперь мы уже знаем, что Великий Пост состоит из двух частей. До Крестопоклонного Воскресенья Церковь призывает нас сосредоточиться на своей собственной душе, призывает к борьбе с плотью и страстями, злом и другими грехами. Но даже пока мы это делаем, Церковь постоянно зовет нас устремляться вперед, измерять и основывать наш подвиг на чем-то лучшем, что нас ждет впереди. Затем, после Крестопоклонного Воскресенья, средоточием постного подвига становится тайна страданий Христовых, Его Креста и смерти, и сам Пост становится «восхождением в Иерусалим».

Наконец в последнюю седмицу этого приготовления мы начинаем творить память самой тайны. Постный подвиг помог нам отложить в сторону все, что обычно постоянно заслоняет главную цель нашей веры, надежды и радости. Само время как бы приходит к концу. Теперь оно измеряется уже не обычными нашими делами и заботами, а тем, что совершается на пути в Вифанию и дальше, в Иерусалим. Повторим еще раз — это не риторика. Каждому, кто приобщился подлинному опыту богослужения, — пускай хоть раз в жизни, пускай несовершенно, — становится ясно, что с того момента, когда мы слышим: «Веселися Вифания, дом Лазаря...» и затем... «Заутра Христос приходит...», внешний мир становится как бы нереальным, и нам почти боль причиняет соприкосновение, неизбежное, с его суетой. Реальность — там, в церкви,

где с каждым днем мы все больше осознаем, что означает ждать и почему христианская вера есть прежде и больше всего ожидание и приготовление. Так, когда в пятницу за вечерней мы поем: «Душеполезную совершив четырёхдесятницу», — мы не только исполнили ежегодную христианскую обязанность, мы восприняли всей душой слова, которые мы будем петь на следующий день:

Лазарем ты Христос уже
разрушаешь, Смерть, и где
твоя, аде, победа...

Лазаревым воскресением
Христос уже разрушил
тебя, Смерть, и где твоя,
ад, победа?..

Глава 5

ВЕЛИКИЙ ПОСТ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

1. О ПРИНЯТИИ ПОСТА ВСЕРЬЕЗ

До сих пор мы говорили о церковном учении о Посто, учении, которое передается нам прежде всего в великопостном богослужении. Теперь встает вопрос: как можем мы применить это учение к нашей жизни? Как мог бы Великий Пост быть не только номинальным, но действительным двигателем в нашем существовании? Наша жизнь (нужно ли напоминать это?) настолько разнится от той, которой жили люди, создавшие эти стихиры, каноны, установившие эти богослужения и устав. Они жили еще в относительно небольших общинах, вне города, в органически православном мире; самый порядок жизни был построен в соответствии с Церковью. Теперь мы живем среди огромного городского технологического общества, плюралистического в своих религиозных верованиях, секуляристического по мировоззрению, в мире, в котором мы, православные, составляем незначительное меньшинство. Великий Пост не занимает больше такого внешне ярко выраженного места, как бывало, скажем, в России или в Греции. Вопрос наш поэтому очень актуален: можем ли мы поистине соблюдать Пост, а не ограничиваться, как это слишком часто бывает, двумя-тремя символическими переменами в нашем быту?

Ясно, например, что для большинства верующих ежедневное посещение великопостных богослужений невозможно. Они продолжают ходить в церковь по воскресеньям, но, как мы уже знаем, воскресная Литургия Постом внешне, по крайней мере, ничем не отличается от обычной, и, таким образом, присутствуя на ней, почти невозможно почувствовать великопостные особенности богослужения, посредством ко-

торых сообщается нам дух Великого Поста. Поскольку же цивилизация, к которой мы принадлежим, ни в чем не отражает Великого Поста, неудивительно, что наше отношение к Великому Посту сводится к отрицательному понятию, как к времени, когда некоторые вещи, например, мясо, жиры, танцы и развлечения, запрещены. Обычный вопрос: «От чего вы отказываетесь Постом?» — хороший пример этого обычного отрицательного понимания. С положительной точки зрения Великий Пост рассматривается как время, когда мы должны исполнить свои религиозные обязанности исповеди и Причастия («не позднее Вербного Воскресенья», — как я прочел в одном приходском листке). После исполнения этой обязанности остальное время Великого Поста теряет всякое положительное значение.

Таким образом, ясно видно, что постепенно образовалось глубокое разногласие или противоречие между, с одной стороны, духом и теорией Великого Поста, которые мы старались объяснить на основе великопостных богослужений, а с другой стороны, всеобщим неправильным пониманием Поста, которое иногда поддерживает и разделяет само духовенство. Ибо всегда легче духовное начало свести к формальному, чем за формальным искать духовное. Можно сказать без преувеличения, что хотя Пост все еще соблюдается, он потерял непосредственное соприкосновение с нашей жизнью, перестал быть той баней покаяния и обновления, которым, по богослужебному и духовному учению Церкви, он должен быть. Можем ли мы вновь обрести это утерянное понимание Поста, сделать его вновь духовной силой и ежедневной реальностью нашей жизни? Ответ на этот вопрос больше всего, я бы сказал — даже исключительно, зависит от того, хотим ли мы или не хотим *серьезно отнестись к Великому Посту*? Как бы ни отличались условия нашей теперешней жизни от прежних, как бы реальны ни были трудности и препятствия, которые создает современная жизнь, *ни одно* из них не может быть *абсолютным* препятствием, ничто не может сделать Великий Пост невозможным для нас. На самом деле, корень постепенной утраты реального влияния Поста на нашу жизнь — глубже всего этого. Корень ее в том, что мы сознательно или бессознательно сводим религию к по-

верхностному номинализму или символизму — этому лучшему способу обходить и перетолковывать требования, предъявляемые религией к нашей жизни, серьезность усилия или подвига. Мы должны добавить, что такая редукция особенно свойственна православным. Западные христиане, католики и протестанты, встречаясь с тем, что они считают невозможным, скорее внесут изменения в саму религию, применяя ее к новым условиям и делая ее таким образом «удобной». Мы видели, например, совсем недавно, что Римско-Католическая Церковь сперва свела Пост буквально к минимуму, а затем просто отменила его. Мы обычно относимся к такому применению Поста к условиям жизни с праведным и справедливым негодованием, как к измене христианскому преданию, как к минимализации христианской веры. И правда, хвала и честь Православию за то, что оно ни к чему не применяется, не снижает уровня, не старается сделать христианство удобным, легким. Хвала и честь Православию, но, конечно, не нам, православным людям. Не сегодня, даже не вчера, а уже давно мы нашли способ примирить абсолютные требования Церкви с нашей человеческой слабостью, и при этом не только не теряем чувства собственного достоинства, но вдобавок оправдываем себя и считаем совесть свою чистой. Способ этот состоит в символическом исполнении требований Церкви; символический номинализм проникает теперь во всю нашу религиозную жизнь. Так, например, нам в голову не придет изменить нашу литургию и ее монастырский устав, — Боже упаси! — мы просто продолжаем называть богослужение, длящееся час, Всенощным бдением и гордо объясняем, что это такая же служба, которую совершали монахи в Лавре святого Саввы в IX веке. По отношению к Великому Посту вместо того, чтобы задавать существенные вопросы: «Что означает поститься?» или «Что такое Великий Пост?» — мы удовлетворяемся великопостным символизмом. В церковных журналах и листках появляются рецепты: «Вкусные постные блюда»; некоторые приходы, может быть, даже увеличивают свой доход хорошо помещенным объявлением «постного вкусного обеда». Столь многое в наших церквях объясняется символически, как интересные, живописные и забавные обычаи и традиции, связывающие нас не столько

с Богом и новой жизнью в Нем, но с прежними временами и обычаями наших предков, что все труднее становится различать за этим религиозным фольклором глубокий и серьезный смысл религии. Мне хочется подчеркнуть, что нет ничего самого по себе плохого в различных обычаях. Когда они появились, они служили людям способом выражения их *серьезного отношения к религии*; это были не символы, а сама жизнь. А случилось то, что жизнь изменилась и все меньше стала строиться на основах религии, тогда как некоторые обычаи сохранились как символы жизни, отошедшей в прошлое, и сохранилось то, что казалось нам более живописным и в то же время легко исполнимым. Духовная опасность здесь состоит в том, что постепенно к самой религии начинают относиться как к некоей системе символов и обычаев, не понимая того, что эти последние должны служить призывом к обновлению и усилию. Больше сил тратится на приготовление постных блюд и на пасхальное розговенье, чем на сам Пост и приготовление к участию в тайне Воскресения Христова. Это означает, что пока мирские обычаи и традиции не будут вновь соединены с религиозным отношением к жизни, которое их породило, пока отношение к символам останется несерьезным, — и Церковь останется оторванной от жизни, не имеющей власти над ней. Итак, вместо того, чтобы «символизировать наследие прошлого», мы должны начать вновь вкладывать его в нашу жизнь.

Серьезное отношение к Посту означает прежде всего, что мы отнесемся к нему, по возможности, на самом глубоком уровне нашего сознания — воспримем его как духовный призыв, требующий ответа, решения, постоянного усилия. Мы знаем, что именно для этой цели Церковь установила приуготовительные недели к Великому Посту. Это и есть время для ответа и решения. И лучший и самый легкий способ для этого — отдаться руководительству Церкви, хотя бы размышлением над пятью евангельскими чтениями, которые Церковь предлагает нам в течение пяти недель, предшествующих Посту: желание (Закхей), смирение (Мытарь и Фарисей), возвращение из изгнания (Блудный сын), суд (Страшный Суд) и прощение (Прощеное воскресенье). Эти евангельские чтения надо не только послушать в церкви, но принести их с собой домой и

сопоставить с *моей* жизнью, *моим* семейным положением, *моими* профессиональными обязанностями, *моей* заботой о материальной стороне жизни, *моим* отношением к определенным людям, с которыми я живу.

Если к этому размышлению прибавить молитву приуготовительных недель «Покаяния отвержи ми двери, Жизнодавче...» и 136-й псалом «На реках Вавилонских...», — начинаешь понимать, что значит «жить вместе с Церковью» и как богослужебные особенности украшают ежедневную жизнь. Во время Поста хорошо было бы почитать книгу религиозного содержания. Цель такого чтения — не только расширение нашего религиозного кругозора, но главное — очищение нашего ума от всего, что его обычно засоряет. Кажется просто невероятным, насколько наш ум заполнен и засорен всякого рода заботами, интересами, беспокойствами и впечатлениями и как трудно бывает во всем этом разобраться. Чтение книги религиозного содержания, когда ум сосредоточен на чем-то совершенно отличным от обычного круга наших мыслей, само по себе создает другую умственную и духовную атмосферу. Не надо принимать все это как рецепты; могут быть и другие способы достойного приготовления к Великому Посту. Главное во всем этом приуготовительном периоде то, что мы начинаем ждать Великого Поста, как бы издалека идущего к нам или, может быть, посланного нам Самим Богом как возможность измениться, обновиться, углубиться, и что мы *серьезно* относимся к этой возможности, так что в день Прощеного воскресения, выходя из дома, чтобы идти к вечерне, мы готовы со всей возможной искренностью воспринять и восчувствовать слова Великого Прокимна, которые знаменуют начало Великого Поста: «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю...»

2. УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОПОСТНЫХ БОГОСЛУЖЕНИЯХ

Как мы уже сказали, никто не может посещать все великопостные богослужения. Но каждый *может* быть на некоторых из них. Великим Постом, прежде всего, надо чаще ходить в церковь и участвовать в церковном богослужении; нельзя извинять тех, кто этим пренебрегает. Конечно, здесь опять встречаются

разные личные обстоятельства, индивидуальные возможности и невозможности, которые приводят к различным решениям, но решение как таковое должно быть, должно быть сделано усилие, должно быть постоянство. С богослужебной точки зрения мы можем предложить нижеследующий минимум, цель которого не в духовно разрушительном чувстве исполненной обязанности, а в усвоении хотя бы самого существенного в великопостном богослужении.

В первую очередь особое внимание должно быть обращено в приходах на надлежащее совершение вечерни в Прощеное воскресенье. Поистине трагично, что в стольких церквях эта служба либо вообще пропускается, либо совершается без должного внимания и заботы. Эта вечерня должна стать одним из больших ежегодных приходских событий и как таковая быть особенно хорошо подготовлена. Приготовление состоит из спевов приходского хора, объяснения этой службы в проповедях или приходских листках, выбора удобного времени, когда большинство прихожан может быть в церкви; в общем, надо сделать эту вечерню настоящим духовным событием. Потому что, повторяем еще раз, эта вечерня лучше и больше всего открывает нам значение Великого Поста как времени покаяния, примирения, согласного начала постного пути.

Следующее за этой вечерней первенствующее место должно быть отведено первой неделе Поста. Особое усилие должно быть приложено к тому, чтобы хотя один ли два раза прослушать Великий Канон Андрея Критского. Как уже было сказано, смысл и цель богослужений этих первых дней направлены на то, чтобы ввести нас в духовное настроение Великого Поста, то, которое мы называли светлой печалью.

Затем в течение всего Великого Поста совершенно необходимо, чтобы хотя один день был посвящен присутствию на Литургии Преждеосвященных Даров со всеми ее духовными переживаниями — постом, превращением хотя бы одного дня в настоящее ожидание и суда и радости. Тут не могут быть убедительными никакие ссылки на условия жизни, недостаток времени и прочее, ибо если мы будем исполнять только то, что «удобно» при условиях нашей теперешней жизни, то самое понятие постного подвига станет совершенно

бессмысленным. На самом деле не только в XX веке, но со времен Адама и Евы мир сей всегда препятствовал исполнению заповедей Божиих. Поэтому и в современном образе жизни нет по существу ничего нового, особенного. В конце концов, все опять зависит от того, серьезно ли мы относимся к религии; если да, то для восьми или десяти раз, что мы пойдем в церковь, потребуется минимальное усилие. Но, лишая себя этих восьми — десяти раз, мы лишаем себя не только красоты и глубины великопостных богослужений, но, как мы увидим в следующей главе, того, что придает нашему пощению смысл, делает его действенным.

3. «...ТОЛЬКО МОЛИТВОЮ И ПОСТОМ»

Нет Великого Поста без пощения. Кажется, однако, что в настоящее время люди либо несерьезно относятся к пощению, либо же неверно понимают его подлинное духовное значение. Для одних Пост состоит в символическом лишении себя чего-нибудь. Для других Пост означает добросовестное соблюдение правил, то есть употребление постной пищи. И в том и в другом случае, однако, пощение редко рассматривается как входящее в общий великопостный подвиг. Поэтому здесь, как и в других случаях, мы должны сперва постараться понять учение Церкви о Посто и затем спросить себя, как мы можем применить это учение к нашей жизни?

Пощение или воздержание от пищи не является исключительно христианской практикой. Оно существовало и до сих пор существует в других религиях и даже вне религии, как, например, в специальной терапии. Теперь люди постятся (или воздерживаются) по самым различным причинам, включая иногда политические. Поэтому важно разобраться в специфически христианском значении Поста. Это значение раскрывается нам прежде всего через внутреннюю связь между двумя событиями, о которых рассказано в Библии: об одном — в начале Ветхого Завета, о другом — в начале Нового Завета. Первое событие: Адам «нарушил пост» в раю, он съел запрещенный плод — так открывается нам первородный грех. Христос, Новый Адам, — это второе событие, — начинает свое служение Постом. Адам был искушаем и не выдержал

искушения. Христос был искушаем и победил искушение. Следствием падения Адама было изгнание из рая и смерть. Плоды победы Христа — уничтожение смерти и наше возвращение в рай. Недостаток места лишает нас возможности подробно объяснить значение этого параллелизма. Однако даже из сказанного должно стать ясно, что Пост является чем-то решающим. Это не просто обязательство, обычай; Пост *связан* с самой тайной жизни и смерти, спасения и гибели.

Согласно православному учению, грех — это не только нарушение какого-либо правила, требующее наказания, это всегда искажение данной нам Богом жизни. Вот почему история первородного греха изображена как поступок, связанный с едой. Пища необходима живому организму, ибо она поддерживает в нас жизнь. Но здесь-то и встает главный вопрос: что значит быть живым, что означает сама жизнь? В настоящее время это слово рассматривается главным образом в своем биологическом значении: жизнь есть именно то, что всецело зависит от пищи и вообще от физической стороны всего живого. Но в свете Священного Писания и христианского предания эта жизнь, оканчивающаяся смертью, отождествляется со смертью, поскольку начало смерти всегда присутствует и действует в ней. Мы знаем, что Бог смерти не сотворил. Он Податель Жизни. Каким же образом жизнь стала смертной? Почему смерть, одна только смерть, есть абсолютное условие всего существующего? Церковь отвечает: потому что человек отверг ту жизнь, которую предложил и дал ему Бог, и предпочел жизнь, зависящую не от Бога, но от «хлеба единого». Он не только не послушался Бога, за что и был наказан, но изменил само отношение между собой и миром. Без сомнения, мир был дан человеку как пища, как средство жизни; но в то же время жизнь должна быть общением с Богом; она не только должна была иметь в Нем свое завершение, но и свою совершенную полноту: «В Нем была жизнь, и жизнь была свет веков» (Иоанн 1,4). Мир и пища были созданы, чтобы посредством их человек имел общение с Богом, и только пища, принятая ради Бога, могла быть животворной. Сама по себе пища не имеет в себе жизни и не может ее воспроизводить. Один Бог имеет жизнь, и

Сам есть жизнь. В самой пище начало жизни — Бог, а не калории. Таким образом, есть, то есть быть живым существом, знать Бога и быть в общении с Ним — все это одна и та же реальность. И безмерная трагедия Адама в том и состоит, что он воспринял пищу как «жизнь в себе». Больше того, он вкусил ее, скрываясь от Бога, вне Его и для того, чтобы быть независимым от Него. И сделал он это, потому что поверил, что пища имеет жизнь сама по себе и что, вкушая от этой пищи, он может сам стать, как Бог, то есть иметь жизнь в самом себе. Проще сказать: он *поверил в пищу*, тогда как единственный предмет веры, доверия, уверенности — Бог и только Бог. Земной мир, пища сделались его богами, источником и началом его жизни. Он стал их рабом. Адам по-еврейски значит «человек». Это — мое имя, наше общее имя. И человек все еще Адам, все еще раб пищи. Он может уверять, что он верит в Бога, но для него Бог — уже не его жизнь, не пища, не всеобъемлющее содержание его существования. Он может уверять, что он получает жизнь от Бога, но он не живет в Боге и для Бога. Его знание, его опыт, его самоуверенность построены все на том же принципе: «хлебом единым». Мы едим, чтобы жить, но мы не живем в оге. Из всех грехов это самый большой грех. И этим грехом наша жизнь приговорена к смерти.

Христос — Новый Адам. Он пришел для того, чтобы уничтожить болезнь, вселенную Адамом в жизнь, чтобы восстановить человека для настоящей жизни, и поэтому Он тоже начинает свое земное служение с Поста. «...Постившись сорок дней и сорок ночей (Он) напоследок взалкал» (Матф. 4,3). Голод — это то состояние, когда мы сознаем нашу зависимость от чего-то, когда нам срочно, насущно нужна пища, — что и доказывает, что нет в нас самосущей жизни. Это тот предел, за которым я или умираю от голода, или, насытив свое тело, сознаю вновь, что я живу. Другими словами, это тот момент, когда перед нами встает ультимативный вопрос: от чего зависит моя жизнь? И так как вопрос это не отвлеченный, так как сама жизнь моего тела зависит от его решения, момент этот оказывается и искушением. Сатана пришел к Адаму в рай; он пришел к Христу в пустыне. Два голодных человека услышали его слова: ешь, потому что твой

голод показывает, что ты всецело зависишь от пищи, что твоя жизнь в пище. И Адам поверил и стал есть; Христос отверг это искушение и сказал: не хлебом единым будет жив человек, но Богом. Он отверг эту всемирную ложь, которую Сатана внушил всему миру, сделав ее не поддающейся обсуждению, очевидной истиной, основой всего человеческого мировоззрения, основой науки, медицины и, может быть, даже религии. Отвергнув эту ложь, Христос восстановил верное соотношение между пищей, жизнью и Богом, то соотношение, которое нарушил Адам и которое мы все еще нарушаем каждый день.

Что же тогда означает Пост для нас, христиан? Это участие в постном опыте Самого Христа, которым он освободил нас от совершенной зависимости от пищи, материи и мира. Но освобождение наше ни в коем случае не может быть полным. Мы живем еще в падшем мире, в мире Ветхого Адама, и, составляя часть этого мира, мы все еще зависим от пищи. Но так как смерть, через которую все мы должны пройти, побеждена Смертью Христовой и стала переходом в жизнь, пища, которую мы вкушаем, и жизнь, которую эта пища поддерживает, *может* стать жизнью в Боге и для Бога. Часть нашей пищи уже стала «пищей бессмертия» — Телом и Кровью Самого Христа. Но даже ежедневный «насущенный хлеб», который мы получаем от Бога, может в этой жизни, в этом мире быть тем, что поддерживает и укрепляет наше общение с Богом, а не отдаляет нас от Него. Однако только Пост может осуществить это преобразование, дать нам существенное доказательство того, что наша зависимость от пищи и материи не окончательна, не абсолютна и что в соединении с молитвой, благодатью и служением Богу эта зависимость сама хочет стать духовной. Все это означает, что понятый по-настоящему, в истинном своем значении, Пост есть единственное средство восстановления в человеке его подлинной природы. Это не теоретический, а практический и реальный вызов великому Лжецу, убедившему нас в том, что мы зависим от одного хлеба, и построившему все человеческое знание, науку и существование на этой лжи. Пост избличает эту ложь. В высшей степени знаменательно, что Христос встретил Сатану в то время, когда Он постился, и что позднее Он сказал, что победить Са-

тану можно «только молитвою и постом». Пост — настоящая борьба против дьявола, это вызов всеобъемлющему закону, делающему дьявола «князем мира сего». Если человек голоден, но понимает, что он действительно может не зависеть от этого голода, не погибнуть от него, а, наоборот, обратить его в источник духовной власти и победы, тогда ничего не останется от той великой лжи, в которой мы живем со времен Адама.

Как далеко ушли мы от нашего обычного понимания Поста как простой перемены диеты, от рассуждений о том, что разрешается Постом и что запрещено, от всего этого поверхностного лицемерия! Ибо, в конечном счете, Пост состоит в одном: в том, чтобы *испытать голод, алкать*, и это значит — достичь предела той жизни в нас, что зависит всецело от пищи, и, *взлкая*, открыть, что эта зависимость не есть последняя истина о человеке, что сам голод есть прежде всего духовное состояние и что на последней глубине своей он есть *алкание Бога*. В ранней Церкви Пост означал совершенное воздержание от пищи, то есть состояние голода, доводящее тело до крайнего предела. Но именно здесь мы понимаем, что Пост как физическое лишение пищи совершенно бесполезен без его второй, духовной, стороны. «Постом и молитвою» — это значит, что без соответствующего духовного усилия, без укрепления себя Божественной Реальностью, без сознания своей совершенной зависимости от Бога и только от Бога физический Пост станет на самом деле самоубийством. Если дьявол искушал Самого Христа, когда Он постился и испытал голод, то у нас нет никакой возможности избежать искушения. Физический пост, как он ни важен, становится не только бессмысленным, но действительно опасным, если он не соединен с духовным усилием, молитвой, мыслью, сосредоточенной в Боге. Пост — искусство, которым в совершенстве владели святые; было бы опасно и самонадеянно с нашей стороны пытаться овладеть этим искусством без духовного рассуждения, без должной осторожности. Все великопостное богослужение постоянно напоминает нам о трудностях, препятствиях и искушениях, которые встают перед тем, кто рассчитывает на собственные силы, а не на Бога.

Вот почему нам необходима духовная подготовка

для постного подвига. Она состоит в том, чтобы, во-первых, просить помощи Божией, а, во-вторых, в том, чтобы весь наш постный подвиг был сосредоточен на Боге, устремлен к Нему. Мы должны поститься *ради Бога*. Мы должны ощутить Его присутствие в нашем теле, которое становится Его храмом. Поэтому и к телу, и к еде, ко всему образу жизни нашей мы должны относиться с религиозным *уважением*. Всего этого надо достичь еще до начала Поста, чтобы к началу самого Поста мы были духовно вооружены, предвидя духовную борьбу и победу.

И вот наступает сам Пост. Согласно тому, что было сказано выше, его надо исполнять на двух уровнях: на уровне, во-первых, аскетического поста; а во-вторых — совершенного. Аскетический Пост состоит в сильном сокращении пищи, так, чтобы постоянное состояние некоторого голода переживалось нами как память о Боге и поддерживало постоянное усилие хранить эту память. Всякий, кто исполнял такой Пост хотя бы немного, знает, что этот аскетический Пост, вместо того, чтобы ослаблять, создает в нас известную легкость, собранность, трезвость, радость и чистоту. Пища принимается действительно как Божий дар. Мы постоянно направлены в тот внутренний мир, который необъяснимо сам питает нас. Мы не будем обсуждать здесь количество и качество пищи, распределение ее в течение дня во все время аскетического Поста; все это зависит от наших индивидуальных возможностей, от условий нашей жизни. Но принцип ясен: это постоянное состояние полуголода, «отрицательная» природа которого преобразается молитвой, памятью о Боге, вниманием и сосредоточенностью в *положительную* силу. Тогда как продолжительность совершенного Поста необходимо ограничивать соответственно с Евангелием, к которой он нас готовит. В настоящих условиях нашей жизни это прежде всего день перед совершением Литургии Преждеосвященных Даров. Постимся ли мы с раннего утра или только с полудня, главная цель этого Поста — провести этот день в ожидании, надежде, «алчущи» насытиться Самим Господом. Это духовная сосредоточенность на ожидаемом, на том даре, который мы должны получить, ради которого мы готовы отказаться от всех других даров.

Но и после всего сказанного следует помнить, что сколь бы ни был ограничен наш Пост, если это настоящий Пост, он поведет к искушениям, к слабости, к сомнениям и к раздражительности. Иными словами, он будет борьбой, в которой мы, вероятно, не раз будем побеждены. Но если Пост наш по существу своему настоящий, то тут и обнаруживается наша жизнь во Христе, жизнь борьбы и подвига. Вера, не победившая сомнений и искушений, редко бывает настоящей верой. Возрастание в христианской жизни, увы, невозможно без горького опыта ошибок и падений. Как часто люди начинают поститься с энтузиазмом, но отпадают после первой неудачи. Я сказал бы, что настоящее испытание веры наступает после первого падения. Если после такой неудачи, уступив своему голоду и страстям, мы начинаем все снова, не обращая внимания на то, сколько ошибок мы совершили, то рано или поздно наш Пост принесет духовные плоды. Между святостью и цинизмом разочарования находится великая и божественная добродетель *терпения* — прежде всего терпения по отношению к самому себе. Не существует сокращенных путей к святости, мы должны заплатить полную цену за каждый шаг, за каждую ступень. Поэтому лучше и безопаснее начинать с минимума — только слегка выше наших естественных возможностей — и мало-помалу усиливать Пост, чем сразу в начале поста вознестись слишком высоко и затем разбиться, падая назад на землю.

Итак, от символического и номинального Поста мы должны вернуться к *настоящему* Посту. Пусть он будет ограниченный и скромный, но зато последовательный и серьезный. Надо честно оценить свои духовные и физические возможности и способности и действовать соответственно с ними, не забывая в то же время, что, постясь, надо не страшиться своих ограниченных способностей, а видеть в своей жизни божественное доказательство того, что невозможное для человека — возможно Богу.

4. ВЕЛИКОПОСТНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ, БЫТ

Мы посещаем церковные службы, постимся и молимся в определенное время, но всем этим мы еще не исчерпываем постный подвиг. Для того, чтобы все это

было действенным и плодотворным, требуется еще поддержка всей нашей жизни. Другими словами, требуется известный образ жизни, который не был бы противоположностью Посту, не раздваивал бы наше существование. В прежние времена в православных странах само общество создавало великопостную атмосферу жизни совокупностью обычаев и навыков, как личных, так и коллективных, рождающую то, что так хорошо выражается русским словом «быт». В течение Великого Поста все общество подчинялось известному ритму жизни, правилам, которые постоянно напоминали отдельным членам этого общества о Великом Посте. В России, например, постоянно напоминал об этом особый великопостный звон церковных колоколов; театры были закрыты, прекращались великосветские приемы. Сами по себе эти внешние правила, конечно, не могли возбудить в человеке покаяния и направить его на более активную религиозную жизнь. Но создавалась известная великопостная атмосфера, которая облегчала личное, индивидуальное усилие. Мы слабы, нам необходимы внешние напоминания, символы, знаки. Конечно, всегда есть опасность, что внешние символы сами по себе будут сочтены совершенным и достаточным соблюдением Поста и, вместо того, чтобы напоминать о Великом Посте, заслонят его истинный смысл и значение. Мы уже упоминали об этой опасности, говоря, что внешние обычаи и правила могут подменить настоящий личный подвиг. Однако при правильном подходе видишь, что эти обычаи являются как бы передаточным ремнем, соединяющим духовный подвиг со всей совокупностью жизни.

Мы не живем в православном обществе, и поэтому общественная жизнь в наши дни не может создать великопостной атмосферы. Мир, окружающий нас, мир, к которому мы принадлежим, не меняется Великим Постом. Поэтому от нас требуется новое усилие, необходимо еще раз обдумать религиозную связь между внешней и внутренней жизнью. Духовная трагедия секуляризма, обмирщенности нашей цивилизации в том, что они вталкивают нас в подлинную религиозную шизофрению: деление жизни на две части — религиозную и светскую, без какой-либо связи между ними. Поэтому для замены внешних символов и на-

поминований в наши дни требуется особенное духовное усилие. Схематически это усилие можно рассматривать, во-первых, по отношению к нашей домашней жизни и, во-вторых, по отношению к жизни нашей вне дома.

В православном мировоззрении домашняя жизнь, семья составляют основу христианской жизни, *применение* христианских принципов в ежедневной жизни. Основы христианского мировоззрения закладываются в нас именно дома, в быте и духе семейной жизни. Не в школе, даже не в церкви, а в семье образуется то мировоззрение, которое вначале может быть даже бессознательным, но в конце концов становится решающим фактором всей нашей жизни. Старец Зосима в «Братях Карамазовых» Достоевского говорит: «...ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства». Этими воспоминаниями спасен человек на всю жизнь. Очень важно, что говорит он это, вспоминая, как мать водила его к Литургии Преждеосвященных Даров, вспоминая красоту этой службы, неподражаемую красоту великопостного напева «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою...». В наших церковных школах проводится теперь замечательная работа по религиозному образованию детей; но она очень мало что может сделать без домашней, семейной основы этого образования. Что же должно и может быть сделано Великим Постом в домашней, семейной жизни? Так как невозможно сказать сразу обо всем, что случается в семье, я остановлюсь на одном пункте.

Без всякого сомнения, все согласится с тем, что семейный образ жизни радикально изменился под влиянием радио и телевидения. Наша жизнь переполнена информацией о событиях в мире. Не нужно никуда выходить или выезжать, чтобы знать, что делается на свете. Весь мир постоянно в пределах нашего достижения. И мало-помалу элементарный опыт внутренней жизни, красота этого мира просто исчезает из современной культуры. А если не телевидение, то музыка: музыка перестала быть тем, что слушаешь; она превратилась в какой-то музыкальный фон разговоров, чтения, занятий и т. д. Эта постоянная необходимость в музыке изобличает неспособность современного человека наслаждаться тишиной, воспринимать

ее не как что-то отрицательное, как отсутствие чего-то, но именно как условие для всякого настоящего *присутствия*. Если христиане прежних времен жили по большей части в мире тишины и молчания, дававших им возможность полностью сосредоточиться на внутренней жизни, то современные христиане должны делать особые усилия, чтобы получить хотя бы существенно нужное молчание и тишину, необходимые для соприкосновения с высшей реальностью. Таким образом, проблема радио и телевидения в течение Великого Поста — это не побочный вопрос, а в некотором смысле вопрос духовной жизни и смерти. Надо понять, что невозможно делить нашу жизнь между великопостной светлой печалью и переживанием модного фильма или спектакля. Эти два переживания несовместимы, и одно из них окончательно уничтожает другое. Однако очень вероятно, что последний модный фильм скорее одолевает светлую печаль; обратное может произойти только с приложением особых усилий. Поэтому первый великопостный обычай, который можно предложить, — это решительное прекращение слушания радио и телевидения Великим Постом. В данном случае мы не смеем предложить совершенный Пост, но хотя бы аскетический, который, как мы уже говорили, прежде всего означает перемену «диет» и воздержание. Например, ничего нет дурного в том, чтобы продолжать следить за передачей информации или серьезной программы, обогащающей нас духовно и интеллектуально. Но что должно быть прекращено Постом — это прикованность к телевизору, растительное существование человека, прикованного к экрану, пассивно поглощающего все, что ему показывают. Когда я был ребенком (это было до появления телевидения), моя мать обычно запирала рояль на первой, четвертой и седьмой неделе Великого Поста. Это сохранилось в моей памяти ярче, чем длинные великопостные богослужения, и даже теперь, если я слышу музыку, передающуюся по радио Постом, это оскорбляет меня почти как кощунство. Это личное воспоминание служит только иллюстрацией того, какое впечатление производит в детской душе внешнее решение, сознательно принятое взрослыми. Речь здесь идет не просто об отдельном обычае или правиле, но о живом опыте, оберегающем время Великого Поста, о котором

надо все время помнить, чтобы не потерять, не исказить, не нарушить его. Но здесь, так же, как и при употреблении постной пищи, одно воздержание недостаточно: оно должно иметь свой положительный противовес.

Тишина, созданная отсутствием светского шума, нарушаемая только допустимой передачей новостей, должна быть заполнена положительным содержанием. Душа наша питается молитвой, но разум тоже нуждается в пище; именно разум современного человека подвержен непрестанной долбежке телевизора, радио, газет, иллюстрированных журналов и тому подобное. Мы предлагаем добавить умственное усилие к чисто духовному. Мы пренебрегаем столькими шедеврами, столькими замечательными плодами человеческой мысли, воображения и творчества только потому, что гораздо легче и проще, вернувшись с работы домой, уставши физически и умственно, включить телевизор или погрузиться в совершенную пустоту иллюстрированного журнала. Было бы хорошо заранее наметить для себя программу для Великого Поста. Составить заранее список полезных книг, которые надо было бы прочитать. Нет необходимости, чтобы все эти книги были религиозного содержания. Не все люди призваны быть богословами. Но в лучших произведениях литературы заложено столько богословских мыслей, а все, что обогащает наш разум, всякий плод настоящего творчества благословляется Церковью и, правильно воспринимаемое, приобретает духовную ценность. В предыдущей главе я говорил о том, что четвертое и пятое воскресенья Поста посвящены памяти двух великих учителей христианской духовной жизни: святого Иоанна Лествичника и преподобной Марии Египетской. Надо понять, что в образе этих двух святых Церковь явно указывает нам, что Постом она ждет от нас обогащения нашего духовного и умственного внутреннего мира. Чтение и духовное размышление могут помочь нам обрести этот внутренний мир и его радость. Современный секулярный мир не дает нам вкусить этой радости, настоящего призвания человека, проявляющегося во внутреннем, а не во внешнем мире; но без этой радости, без понимания Великого Поста как пути в глубину нашего человеческого существа Великий Пост теряет свое значение.

Кроме того, какое значение мог бы иметь Великий Пост в течение долгих часов, проводимых вне дома, во время наших разъездов, когда мы сидим за своим столом на работе, занимаемся исполнением профессиональных обязанностей, встречаемся с коллегами или друзьями? Тут нельзя дать никакого определенного рецепта, но можно привести некоторые общие соображения и рассуждения. Во-первых, Великий Пост — лучшее время, чтобы рассмотреть и взвесить невероятно поверхностный характер нашего отношения к людям, к вещам, к работе. «Относиться ко всему с улыбкой», «не принимать слишком близко к сердцу» — вот советы, ставшие на самом деле заповедями, которым мы радостно подчиняемся, а означают они: не связывайте себя, не расспрашивайте, не углубляйте своих отношений с людьми; соблюдайте правила игры, которые состоят в соединении дружественных отношений с людьми и полного к ним равнодушия; думайте обо всем с точки зрения материальной выгоды, прибыли, повышения; другими словами, будьте частью того мира, который постоянно употребляет великие слова «мир», «ответственность», «осторожность» и т. д., а на самом деле следует материалистическому принципу, по которому человек оценивается соответственно его заработку. Великий Пост — время искания смысла: смысла моей профессиональной жизни с точки зрения призвания; смысла моих отношений с другими людьми; смысла дружбы; смысла моей ответственности в жизни. Нет ни работы, ни призвания, которые хотя бы понемногу не могли быть преобразены, не с точки зрения большей производительности или лучшей организации, но с точки зрения человеческой ценности. Необходимо стараться углубить все наши человеческие отношения, потому что мы — свободные люди, которые стали (часто сами того не сознавая) рабами систем, постепенно уничтожающих все человеческое в мире. И если наша вера имеет какое-либо значение, она должна быть соотнесена с жизнью во всех ее сложностях. Множество людей думает, что необходимые перемены происходят в зависимости от революций, внешних перемен в условиях жизни. Но мы, христиане, должны доказать, что на самом деле все вытекает *изнутри* — от веры и жизни по вере. Церковь, когда она вошла в греко-римский мир, не при-

зывала к революции, указывая на рабство. Но рабство стало невозможным под влиянием веры и новой оценки человека и всей жизни. Один святой, — а здесь святой означает просто человека, относящегося серьезно к своей вере, — больше может сделать, чтобы изменить мир к лучшему, чем тысяча напечатанных программ. Святой человек — единственный настоящий революционер в этом мире.

Прибавим еще одно последнее замечание: Великий Пост — это время, когда надо особенно следить за всем тем, что мы говорим. Мир наш неимоверно многоглаголив, мы постоянно утопаем в словах, которые утратили свое значение, а следовательно, и свою силу. Христианство являет нам священное значение слова — этого воистину божественного дара. Наше слово обладает огромной силой, либо положительной, либо отрицательной. Поэтому мы будем судимы и за наши слова: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься» (Матф. 12,36—37). Если мы обдумываем и взвешиваем наши слова, мы вновь осознаем их глубокий и священный смысл и понимаем, что иногда невинная шутка, необдуманно сказанная, может привести к самым бедственным результатам, может стать последней каплей, переполнившей чашу отчаяния человека и толкнувшей его на худшее. Но слово может быть и свидетельством. Случайный разговор через стол со своим коллегой может иногда лучше передать ему верный взгляд на жизнь, на других людей, на работу, чем формальная исповедь. Слово может заронить в душу возможность другого подхода к жизни, желание познания. Мы действительно не представляем себе, как мы постоянно влияем друг на друга словами, всем строем своей личности. И в конце концов люди обращаются к Богу не потому, что кто-то смог дать им блестящие объяснения, но потому, что они увидели в Нем тот свет, ту радость и глубину, ту серьезность и любовь, которые одни обнаруживают присутствие и силу Божию в мире.

Таким образом, Великий Пост, как мы говорили в самом начале, это время, когда человек как бы вновь приобретает веру, но также и жизнь в ее божественном значении, в ее священной глубине. Воздер-

живаясь от пищи, мы вновь узнаем ее вкус и научаемся получать ее от Бога с радостью и благодарностью. Сокращая развлечения, слушание музыки, ненужные разговоры и поверхностные рассуждения, мы вновь понимаем величайшую ценность отношений с человеком, с человеческой работой и с искусством. И понимаем мы все это, потому что мы просто снова *поняли Самого Бога*, потому что мы вернулись к Нему и в Нем ко всему тому, что Он дал по Своей бесконечной любви и милосердию.

И вот почему в Пасхальную ночь мы поем:

Ныне вся исполнишася света,
Небо же и земля и преисподняя;
Да празднует убо вся тварь восстание
Христово,
В Нем же утверждается...

Не лиши нас этой надежды, Человеколюбче!

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ОТЦА АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА*

I. ПЕРВЫЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Священник Александр Шмеман родился в 1921 г. в Ревеле, в Эстонии. Отец — офицер лейб-гвардии Семеновского полка, мать — из помещичьей семьи Шишковых из Самарской губернии. Детство провел в Ревеле (1921—1928) и Белграде (1928—1929), школьные годы — в Париже (с 1929 г.). Учился сначала во французской католической школе, затем в Русском кадетском корпусе (где директором в те годы был знаток и любитель русской культуры генерал В. В. Римский-Корсаков, сумевший передать эту любовь и ученикам) и, наконец, во Французском государственном лицее. В первые годы учения в Богословском институте слушал также лекции в Сорбонне. С раннего детства прислуживал в церкви и был иподиаконом у митрополита Евлогия. Это больше всего направило его на путь служения Церкви. Еще до поступления в институт близко познакомился с некоторыми профессорами его — особенно нужно отметить влияние архимандрита Киприана и также тесное общение с В. В. Вейдле и покойным К. В. Мочульским.

Поступил в институт осенью 1940 г., через два месяца после занятия Парижа немцами. Война и оккупация окрасили годы обучения богословию в особые цвета. Это было действительно героическое время для института. Профессора читали, а студенты слушали лекции в нетопленных аудиториях, на голодный желудок, сидели в пальто и рукавицах. До сих пор многим помнятся

* Статья перепечатана (с небольшими уточнениями) из журнала «Вестник русского христианского движения», Париж — Нью-Йорк — Москва, 1984, № 141. Первая часть статьи («I. Первые тридцать лет») подготовлена на основе автобиографической заметки, написанной отцом Александром Шмеманом для книги о Свято-Сергиевском Богословском институте в Париже, которую готовил к печати А. В. Карташев (книга издана не была). Вторая часть статьи («II. Второе тридцатилетие») представляет собой отрывок из статьи ныне покойного протоиерея Кирилла Фотиева в газете «Русская мысль» (Париж) от 22 декабря 1983 г.

лиловые от холода руки отца Сергия Булгакова и вся обстановка его последних лекций. Это была последняя группа его слушателей. Он читал свое толкование Апокалипсиса, и даже больше, чем его слова, запомнился весь его облик, тот необычайный свет, горение, сияние, которое исходило от него в эти последние годы. Студентов было очень мало, кучка людей, как будто совсем отрезанная от окружавшей тогда и грохотавшей действительно. Может, именно потому и сохранилось от тех лет такое сильное впечатление, сознание служения «единому на потребу», почти вызова, а также и единства.

На втором курсе у А. Шмемана уже ясно определился интерес к истории Церкви. Под руководством А. В. Карташева он выбрал темой своего сочинения Флорентийский Собор, а это, в свою очередь, вовлекло в изучение судьбы Византийской Церкви, столь мало еще изученной. С тех пор Византия стала главным предметом занятий А. Шмемана, хотя для чтения порученных А. Шмеману курсов он должен был работать почти во всех областях истории Церкви — от начала до наших дней. Сочинение А. Шмемана подавалось частями, и в 1945 г. он получил степень кандидата и был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре истории Церкви при профессоре А. В. Карташеве. В 1946 г. А. Шмеману поручено было читать часть курса. С тех пор постепенно А. В. Карташев передал ему всю историю Древней и Восточной Церкви.

Осенью 1946 г. А. Шмеман принял священство с оставлением при Богословском институте и приписанием к маленькому приходу в Клараре в помощь архимандриту Киприану. Весной 1948 г. священник А. Шмеман сдал первую часть докторского экзамена в виде доклада Совету о работе над историей Византийской Церкви. Весной 1950 г. сдал и вторую часть докторского экзамена, представив перевод с рукописи Парижской национальной библиотеки не изданного еще трактата Марка Ефесского. Подготавливается курс по Истории Византийской Церкви (IX—XV вв.), монография о Марке Ефесском и исследование о византийской теократии.

Когда отцу А. Шмеману пришлось начать чтение лекций, курс церковной истории уже имел свой вполне определенный план и структуру. Этот план классический: ранняя Церковь, эпоха вселенских соборов, византийский период, восточные церкви до наших дней. Но новые условия позволили несколько видоизменить самый метод преподавания. А. В. Карташев начал читать свой курс, когда институт еще не имел всего комплекта кафедр, по неволе в историю Церкви приходилось вставлять и элементы patroлогии, церковной археологии и канонического права. Кроме

того, удалось издать некоторые курсы А. В. Карташева в литографированном виде. Это позволило обратить большее внимание на внутреннее развитие церковной жизни, с одной стороны, отдать больше времени на отдельные вопросы — с другой. Так, например, не имея нужды рассказывать во всех деталях историю арианских и христологических споров, которую студенты узнают из печатных курсов, сделалось возможным посвятить лекции изучению эволюции церковной жизни: культа святых, монашества, богослужения, отношения к миру, культуре и т. д. Стало придаваться особое значение византийскому периоду, еще мало изученному, но во многих смыслах решающему в истории Православного Востока. И наконец, насколько возможно, студенты начали вводиться в исторический метод, то есть знакомиться с главными сторонами исторической работы. При малом количестве часов, которыми может располагать преподаватель истории, метод чтения *pars pro toto** не только неизбежен, но и плодотворен. Студенты принуждены восполнять недостающее чтением и в некоторой мере создавать свое мнение о читаемом. Чтение же преподавателем не только общего и, следовательно, частично компилятивного курса, но и специальных отделов, над которыми он сам работает, ввело студентов в научную работу, приобщило их к методу работы и к пониманию проблематики того или иного вопроса.

Обобщая, можно сказать, что в преподавании проявилось стремление: а) передать студентам основные правила исторической работы, б) осветить те стороны церковной жизни, о которых они могут узнать только из истории Церкви, в) дать им побольше сведений о более поздних веках восточной церковной истории, которая существенно необходима для понимания современных проблем и трудностей церковной жизни.

II. ВТОРОЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЕ

В 1951 г. отец Александр с женой и тремя детьми переселился в США, приняв приглашение Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Начался новый, блестящий период в жизни отца Александра — не только как богослова, но и как очень значительного церковного деятеля. В 1962 г. он стал деканом семинарии (в США это высшая школа, имеющая право присуждать ученые степени), сменив на этой должности отца Георгия Флоровского. Более тридцати лет он был членом Митрополичьего совета Русской Православной Греко-Католической Церкви Америки,

бывшей американской епархии Русской Церкви, ставшей после революции самоуправляющейся, а в 1970 г. получившей от Русской Церкви автокефальность. Богословские школы и университеты США наперебой приглашали отца Александра читать лекции и вести семинары. Смеясь, отец Александр говорил, что потерял счет почетным докторским степеням, которые присуждали ему университеты Америки. Меньше чем за два месяца до кончины, 18 октября 1983 г., отец Александр получил почетную степень доктора богословия, которую присудила ему греческая православная семинария Честного Креста в Бостоне.

Направление богословских интересов отца Александра начало меняться еще до того, как он покинул Париж. В самом начале пятидесятых годов он издал по-русски в Париже небольшую книгу, посвященную разбору таинства Крещения. Его все более привлекало литургическое богословие — наука о церковном богослужении. В Америке он через некоторое время отказался от преподавания истории Церкви и полностью посвятил себя литургическому богословию. «Богословие нужно пить со дна Евхаристической Чаши», — говорил учитель отца Александра, прославленный богослов и великий пастырь отец Сергей Булгаков. Вслед за отцами Церкви отец Александр неизменно повторял, что «закон веры» неотделим от «закона молитвы»: вероучение Церкви, ее Благая Весть о спасении человека и мира как новом усыновлении Богу, совершаемом во Христе Духом Святым, с наибольшей полнотой выражает себя в литургическом, богослужебном предании Церкви. Христианское богослужение, таинства Церкви — не символы, которые отражают некую высшую, но остающуюся нам недоступной духовную реальность. В богослужении открывается нам новая жизнь, которую принес в мир Христос, та жизнь, о которой апостол Иоанн говорит, что она была у Отца и явилась нам.

Но богослов, который во всеоружии научных и исторических методов подходит к литургическим традициям Церкви, вступает на очень трудный путь. Еще великий русский иерарх XIX века митрополит Московский Филарет (Дроздов) советовал богословам не подходить к богослужебной жизни Церкви с критическим анализом. К привычным с детства формам богослужебной жизни обращена вся любовь верующего народа, и мощные силы стоят на страже их неизменности: реформы обряда, а отнюдь не сущности вероучения, породили русский раскол; а приказанный сверху переход на «новый стиль» вызвал не изжитый до сих пор раскол Церкви Эллады... Вспоминаю шутиливую фразу отца Александра: «Повторите в проповеди учение Ария, никто ереси не приметит и спорить не станет, а вот за сохранение «ектеньи об оглашенных» будут сражаться». Разумеется, отец Александр был слиш-

* Части вместо целого (лат.).

ком образован и укоренен в жизни Церкви, чтобы звать к каким-либо скороспелым реформам литургической традиции Церкви. Он говорил: «Нужно осмыслить эту традицию, не менять наше восприятие богослужения, которое есть литургия — общее действие всего народа Божьего в его полноте, и Евхаристия есть трапеза Господня, на которую званы все, во Христа крестившиеся и в него облеченные, а не только те, кто «решили поговорить».

Анализу развития и становления богослужебного устава Церкви посвящена большая работа отца Александра, которую он возглавил «Введение в литургическое богословие». Летом 1959 г. в Париже он представил этот труд на соискание степени доктора богословия. Академический совет Свято-Сергиевской Духовной Академии единогласно присудил отцу Александру эту степень. Оппонентами на защите диссертации были ныне покойный отец Николай Афанасьев и отец Иоанн Мейендорф, впоследствии профессор Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. В 1961 г. «Введение в литургическое богословие» вышло отдельной книгой в парижском издательстве «ИМКА-Пресс». Как скорбел отец Александр, что эта книга почти не была замечена, — лишь пишуший эти строки отозвался на нее в рецензии на страницах «Русской мысли». В последующие годы выходили в свет другие книги отца Александра, написанные по-английски, они позднее появлялись в русском переводе. Назовем среди них книгу «За жизнь мира», вышедшую по-русски совсем недавно. Это — изложение и толкование таинств Православной Церкви. В 1981 г. в Париже вышла по-русски книга отца Александра «Великий Пост». Последние восемь лет жизни отец Александр работал над большим трудом, посвященным главному таинству Церкви — Евхаристии. Эта книга издана по-русски в Париже в 1984 г.

Об отце Александре будут вспоминать с любовью не только его друзья и ученики по церковной работе. Его не забудут и те многочисленные друзья, которые далеки от Церкви, — они ценили в отце Александре культурнейшего человека, блестящего собеседника, верного друга. Отец Александр всегда подчеркивал, что он не считает себя ни литературоведом, ни специалистом по истории литературы, но он с увлечением и блеском участвовал во встречах русских писателей и поэтов и сам писал на литературные темы. Достаточно вспомнить великолепную статью, которую он напечатал в «Новом журнале», когда до нас дошла скорбная весть о кончине в Москве Анны Ахматовой. С ранней молодости отец Александр любил поэзию Блока, даже собирал свои заметки о нем, думал о книге, которая так и осталась недописанной. Но любовь к блоковской поэзии он пронес через всю жизнь. И, конечно, — поэзия Мандельштама, которого отец Александр считал

одним из величайших поэтов мира, чье значение выходит далеко за рамки только русской поэзии. Стихотворение Мандельштама о Евхаристии он хотел поставить эпиграфом к своей книге о ней.

В течение более десяти лет отец Александр был сотрудником радиостанции «Свобода» и писал не только для воскресных религиозных передач, но и на литературные темы. Он блестяще владел пером, а как лектор, одинаково свободно владевший русским, французским и английским языками, он мог увлечь любую аудиторию. Если существует искусство неизменно говорить ненавязчиво, убедительно и свежо — о самом главном, — этим искусством покойный отец Александр владел в высшей степени.

Осиротевшая семья отца Александра состоит из его жены Ульяны Сергеевны, урожденной Осоргиной, и троих взрослых детей. Дочери — Анна и Мария — замужем за православными священниками, учениками отца Александра. Сын Сергей — журналист, в настоящее время он корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в Москве. Брат отца Александра, Андрей Дмитриевич Шмеман — широко известный в эмиграции церковный и общественный деятель — проживает с семьей в Париже.

Совершая литургию святого Василия Великого, священник молится: «Нас же всех, от единой Чаши причащающихся, соедини любовью друг ко другу...»

Незабвенный отец Александр! Вижу тебя в светлом облачении, предстоящим Престолу Божьему, вижу твоё вдохновенное светлое лицо. Заканчивая евхаристический канон, ты неизменно склонялся до земли, произнося священные и страшные слова: «Маран — Афа» — «Господь грядет». «Ей, гряди, Господи Иисусе!» Этим ты выражал основную интуицию христианского благовестия и богословия. Христианство, утратившее эсхатологическую перспективу, отказавшееся от томления по Царству Божию, переставшее ждать того дня, когда, по слову Христа, приблизится к нам избавление наше, становится «солью, потерявшей силу», или, как говорил наш общий с тобой учитель А. В. Карташев, «банальным спиритуализмом». Да не будет этого! Возносясь от нас, оставь нам елей от своего светильника, который будет вдохновлять и питать нас в дни тяжелых испытаний. Мы, твои друзья и ученики, ждем встречи с тобой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ВВЕДЕНИЕ	
Великий Пост: путь к Пасхе	6
ГЛАВА 1. Приготовление к Посту	
1. Желание (Неделя о Закхее)	10
2. Смирение (Неделя о мытаре и фарисее)	11
3. Возвращение в Отчий дом (Неделя о блудном сыне)	14
4. Страшный суд (Неделя мясопустная)	16
5. Прощение (Неделя сыропустная)	20
ГЛАВА 2. Великопостные богослужения	
1. Светлая печаль	25
2. Великопостная молитва святого Ефрема Сирина	28
3. Священное Писание	32
4. Триодь	35
ГЛАВА 3. Литургия Преждеосвященных Даров	
1. Два значения Причастия	41
2. Два значения Поста	45
3. Вечернее причащение	48
4. Порядок службы	51
ГЛАВА 4. Постное странствие	
1. Начало. Великий Канон	59
2. Великопостные субботы	63
3. Воскресенья Великого Поста	70

4. Преположение (половина) Великого Поста: Крест	73
5. На пути в Вифанию и Иерусалим	76

ГЛАВА 5. Великий Пост в нашей жизни	
1. О принятии Поста всерьез	84
2. Участие в великопостных богослужениях	88
3. «...Только молитвою и Постом»	90
4. Великопостный образ жизни, быт	96

Жизненный путь отца Александра Шмемана	104
--	-----

ПРОТОПРЕСВИТЕР
АЛЕКСАНДР ШМЕМАН

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОПОВЕДЬ

Всякий, кто способен благодарить, достоин спасения
и вечной радости.

Благодарим Тебя, Господи, что изволил принять службу сию,
Евхаристию, приносимую святой Троице, Отцу, Сыну
и Святому Духу и наполняющую наши сердца «радостью, миром
и праведностью во Святом Духе» (Рим. XIV, 17).

Благодарим Тебя, Господи, что Ты открыл Себя нам и дал нам
предвкушение Твоего Царствия.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты соединил нас друг
ко другу в служении Тебе и твоей святой Церкви.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты помог нам преодолеть все
трудности, напряжения, страсти и искушения,
восстанавливая среди нас мир, взаимную любовь и радость
в общении Святого Духа.

Благодарим Тебя, Господи, за посланные нам страдания, ибо
они очищают нас от самости и напоминают нам об «едином
на потребу», о Твоем вечном Царствии.

Благодарим Тебя, Господи, что Ты нам дал эту страну,
где мы можем свободно служить Тебе.

Благодарим Тебя, Господи, за эту школу, где
возвещается имя Бога.

Благодарим Тебя, Господи, за наши семьи: за мужей, жен,
особенно за детей, которые учат нас, как славить имя
Твое святое в радости, движении и святой возне.

Благодарим Тебя, Господи, за всех и за все, Велик Ты,
Господи, и чудны дела Твои, и нет слова, достойного
воспеть чудеса Твои!

Господи, хорошо нам здесь быть.